

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
Семинар «Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»

**«Ценностная» история,
современность и прогноз
развития России**

*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 8

Москва
Научный эксперт
2013

УДК 316.322:316.7(470+571)(063)

ББК 60.523(2)я431

Ц 37

Научный руководитель семинара: С.С. Сулакшин

Ц 37 «Ценностная» история, современность и прогноз развития России. Материалы научного семинара. Вып. № 8. М.: Научный эксперт, 2013. — 128 с.

ISBN 978-5-91290-206-2

Ответственный за выпуск О.А. Середкина

Редактор Ю.Е. Мешков

Художественное оформление С.Г. Абелин

Компьютерная верстка В.И. Карпова

Наш адрес:

107078, Россия, г. Москва,

ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5

Тел./факс: (495) 981-57-03,

981-57-04, 981-57-09

E-mail: frpc@cea.ru

www.rusrand.ru

Сдано в набор 01.02.2013 г.

Подписано в печать 07.02.2013 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Minion. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ГМЦ

105679, Москва, Измайловское шоссе, 44

Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ № 160

УДК 316.322:316.7(470+571)(063)

ББК 60.523(2)я431

ISBN 978-5-91290-206-2

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2013

Содержание

Тема семинара	4
«Ценностная» история, современность и прогноз развития	4
Доклад	4
Т.А. Чикаева. «Ценностная» история, современность и прогноз развития	4
Вопросы к докладчику и ответы	57
Выступления	76
Д.С. Чернавский. В России больше нерешаемых логических проблем	76
С.А. Кравченко. Необходим переход к новой методологии интерпретации ценностей.....	77
С.И. Реснянский. Размышления о русской национальной культуре	80
Д.А. Лебедев. Вечные ценности одушевляют народ, но их можно утратить	83
И.Л. Андреев. Философия и политология: диалектика прошлого и будущего в истории	92
В.Э. Багдасарян. Идеология неославянофильства как угроза неразвития.....	102
Н.В. Асонов. Без источниковедения нет историографии.....	107
С.С. Сулакишин. Государство предоставляет обществу свободу, но и определяет ее пределы.....	111
Заключительное слово докладчика	124
Темы семинара	125
Список участников семинара	126

Тема семинара

«Ценностная» история, современность и прогноз
развития

Доклад

«Ценностная» история, современность и прогноз
развития

*Т.А. Чикаева, кандидат философских наук,
доцент Института экономики и антикризисного управления*

Методологические предпосылки ценностного подхода к истории России

История доказывает, что развитие нации и государства по критерию ценности и эффективности не совпадает, успешное материально-техническое строительство, являющееся залогом эффективности государства, отнюдь не обеспечивает ему вечно-го существования и процветания. Древнеегипетское государство, Древний Вавилон, Римская империя являются только одними из ярких примеров низвержения государств, обладающих передовыми технологиями и достигших весомых материальных успехов. Рассмотрение истории, исходя только из общезначимых, материальных, расчетных критериев цивилизационного развития, недопустимо, так как оно заведомо ставит исследователя в определенные рамки, не позволяет объективно взглянуть на происходящие процессы, игнорирует субъект национальной истории.

В выступлении академика РАН Е.П. Челышева на международной конференции по геополитике в 2012 г. было подчеркнуто, что эффективность материально-технического развития, экономический успех не являются гарантом жизнеспособности и успеха нации и государства. «История показывает иное. По каким-то

таинственным причинам “авангард” подвергается тлетворному влиянию духа декаданса, его идеи морально стареют, воля ослабевает, самоуверенность сменяется скептическим унынием».

Попытки рассматривать историю только как поступательное — пусть с разной исторической скоростью — движение к материально-техническому прогрессу, на котором встречаются некоторые субъективные отступления, не нарушающие его ход, не взирая на остальные стороны жизнедеятельности общества, являются примером одностороннего восприятия вопроса. Они не учитывают универсальный, всеобъемлющий закон преемственности культурно-исторического процесса. Будущее возможно только на основе прошлого, т. е. на основе преемственности идеалов, ценностей и методов их воплощения и достижения.

Сегодня для России особенно актуально рассмотрение собственной истории с ценностной позиции, т. е. с точки зрения того, какие ценности постулировались и как они достигались. Недостаточное внимание к такому рассмотрению ценности детерминировало отказ от советской идеологии в конце прошлого столетия, без одновременной замены ее новой, национально-ориентированной идеологией, новым мировоззрением, поддерживаемым государством и обществом.

Современная ситуация доказывает, что не существует ни одного готового рецепта преодоления негативных явлений последних десятилетий, решение вопроса невозможно без гармонизации духовного состояния русского общества и целей, провозглашаемых и поддерживаемых государством. Попытки реформирования общественной жизни, без учета традиционных национальных ценностей, насаждение ценностей иного культурного кода, противоречащих основам духовной жизни нации, привело лишь к конфликту ценностей, безапелляционному отрицанию традиционных ценностей¹. Е.П. Чельшев указывает на то, что «многие, слишком многие ценности были принесены в жертву индустриальному молоху, но, в конечном счете, он обманул ожидания»².

В национальном сознании традиционные ценности, обеспечивающие преемственность поколений, перестали быть востре-

¹ Геополитика: теория, история, практика. 2012, № 1. С. 14.

² Там же. С. 12.

бованными. Российское государство, по меткому определению современников, без объединяющей всех нематериальной мечты превращалось в акционерное общество. Русский человек перестал видеть смысл и цель своего существования и, тем более, смысл существования Российского государства, не осознавая пагубность такой постановки вопроса. Для существования государства и нации необходимо сохранение культурной памяти, т. е. ценностных ориентиров для выбора оптимального пути.

В настоящее время ситуация усугубляется процессами глобализации всех сторон общественной жизни, которые, без должного контроля, таят угрозу утраты национально-государственных особенностей, угрозу унификации и обесчеловечивания человека.

Для России это особенно актуально в связи с особым ее положением в системе мировой культуры. Никогда и нигде не существовало еще общности столь сложноорганизованной, иерархичной, обладающей самобытной культурой, как в России. Важным аспектом является диалогичный синтез исходных культур в русской национальной культуре. Российская история не стала примером ни плавильного котла культур, их переформатирования и рождения новой универсальной культуры, ни примером отдельного их существования и только формального объединения.

Польский фантаст С. Лем, которого сложно заподозрить в особых симпатиях к СССР или Российской Федерации, пишет в предисловии к своей книге «Сумма технологий»: Россия — страна, «от которой больше, чем от какой-либо другой, зависит будущее всего мира».

Традиционный взгляд на историю как на перечень событий в экономической, социальной, политической сферах, детерминированных объективными и субъективными факторами, не позволяет в полной мере ни представить историю России и жизнь русского общества как целостную систему, обладающую внешним и внутренним духовным содержанием, ни объяснить сохраняющуюся надежду на значимость России на мировой арене, ее восприятие в качестве великой державы. Традиционный подход носит во многом описательный, позитивный характер, он создает калейдоскопичную картину истории, когда различные явления и события общественной жизни кажутся не взаимосвязанными,

вытекающими исключительно из случайности, не обусловленными внутренними событиями. С точки зрения современной теории история нередко представляется как последовательная цепь точек бифуркации, в которых возможен поворот развития истории по любому из возможных путей, и эти пути, в значительной мере, равнозначны.

История, следовательно, в традиционном понимании рассматривает только внешнюю сторону жизни общества, нации или государства, т. е. как кантовский феномен, «вещь для нас». Но в этом случае за пределами внимания исследователя остается внутренняя сущность объекта исследования, что позволяет преодолеть ценностный подход к истории.

Сегодня в российских научных и политических кругах активизируется диалог о государственных ценностях, о тех ценностях, следование которым обеспечивает успешность развития государства. Идет жаркая дискуссия о том, как возникают ценности, что следует вкладывать в это понятие. Это подтверждает актуальность постановки и рассмотрения вопроса о ценностной истории России.

Для решения данного вопроса необходимо определение исходных ценностей русского российского общества и государства, необходимы анализ их проявления в истории и оценка актуальности на современном этапе.

Русская историософия рассматривала вопрос о русской культуре как один из краеугольных. П.Я. Чаадаев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, С.С. Уваров, И.Л. Солоневич, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.П. Федотов, В. Соловьев, Ф.А. Степун, К.Н. Леонтьев и др. — являются мыслителями, внесшими значительный вклад в изучение данного вопроса.

И.А. Ильин утверждал, что познание ценностей является залогом творческого будущего, т. е. предполагал важность изучения сущности ценности национальной культуры, видел взаимосвязь ценностных установок в национальном самосознании и успехов в достижении цели жизнеспособности. Игнорирование закона преемственности культурно-исторического процесса, попытки насильственного изменения ценностной основы национальной культуры способны привести лишь к негативным последствиям.

Вопросами ценностной основы прошлого, настоящего и будущего России занимались — С.Ф. Анисимов, В.С. Барулин, Н.А. Бенедиктов, Г.П. Выжлецов, А.В. Гулыга, А.В. Иванов, М.С. Каган, К. Касьянов, Л.П. Микешина, К.Х. Монджян, Б.В. Орлов, В.Н. Сагатовский, Л.Н. Столович, А.С. Панарин...

М.О. Меньшиков называет русский характер, т. е. национальное представление об идеале и высших ценностях, в качестве основополагающей детерминанты отечественной истории, наряду с объективными природно-географическими условиями.

Особое место занимает позиция Н.Я. Данилевского, который, введя в научный оборот русской историософии категорию «культурно-исторического типа», аргументировал необходимость анализа и оценки русской российской истории как историю русской культуры. Культура, в его понимании, прежде всего «продукт работы духа над природными стихиями»³, т. е. культура есть воплощение исторической оригинальности наций и государств, она представляет зарождение, оформление и воплощение ценностей и целей нации. Справедливым необходимо признать вывод мыслителя о неприемлемости оценивания наций, государств с точки зрения общезначимых материально-технических критериев при игнорировании культурного.

Следует отметить, что во все времена большей частью постановка вопроса о судьбе России, об оценке ее прошлого, настоящего и будущего носила всеобъемлющий, мировоззренческий характер. Попытки поиска ответа осуществлялись с учетом общемировых процессов развития. Вместе с тем сложность оценки русской культуры, ее сложной иерархичности, порождали различный уровень решения данного вопроса: от глобальной формулы «Москва — Третий Рим» до более приземленного поиска того, кто виноват.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о правомерности и целесообразности рассмотрения отечественной истории как истории русской культуры.

Культуру мы будем рассматривать как духовную жизнь общества, взаимосвязанную с социальной и материальной областью, как систему ценностей. Полагаю, что традиционно применяемое

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 7.

в учебной и научной литературе деление культуры на материальную и духовную — не совсем корректно.

Следует согласиться с В. Библером в его утверждении, что «культура есть жизнь, духовный мир, отделенный от своего носителя, транслированный в произведении и ориентированный на то, чтобы существовать после физической смерти цивилизации»⁴. По мнению Ф. Тенбрука, культура, охватывает, следовательно, убеждения, оценки, картины мира, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение в той мере, в какой члены общества либо активно их разделяют, либо пассивно признают⁵.

Культура, в моем понимании, это сложная, исторически формирующаяся и развивающаяся система духовных образований, принимаемых в той или иной мере нацией, которая определяет основные черты мироповедения субъекта культуры в прошлом, настоящем и будущем. Внутренней сущностью культуры является национальное самосознание, которое формирует национальные ценности.

Ценности как основа осуществления прошлого, настоящего и будущего являются сложной мировоззренческой категорией.

Ценность — это объективная категория, но актуализирующаяся только при наличии субъекта. Не случайно Н.А. Бердяев указывал на их священный характер и называл Бога в качестве источника ценностей. Ценности — это основа человеческой мотивации, следовательно, краеугольный камень психологии и поведения. Исследование ценностей, их формулирования и воплощения позволит понять, как и почему общество, отдельные социальные группы воспринимали те или иные исторические обстоятельства, события, как и почему формировалась и воплощалась реакция на определенные события и перемены в жизни, почему был или не был возможен успех в достижении определенных целей.

Ценность понимается как значимость (Г. Лотце, Г. Риккерт, Г. Коген, В. Виндельбанд), т. е. ценностью является то, что имеет значение для существования общества, нации. П.В. Алексеев понимает ценность как положительную значимость, ведущую

⁴ Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989, № 6. С. 36-37.

⁵ Цит. по Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 41.

к достижению цели, идеала. С такой позицией органично связана позиция немецкого философа Им. Канта. Он связывает ценности и цели: для него ценность — это то, что является целью, а не средством, т. е. обладает значимостью независимо от обстоятельств. Как идеал рассматривали ценности также И.С. Нарский, В.А. Василенко.

Научно значимым является постановка категории «ценность» на одну ступень с категорией «цель», рассмотрение ее в качестве желаемого, значимого, предпочтительного состояния, развития. Такой подход применяется в работах Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования и позволяет осуществить доказательные прогнозы будущего исторического развития Российского государства.

Исследование ценностей, таким образом, позволяет определить цели и оценить результаты исторического процесса не только по внешним, но и по внутренним факторам. Постигание ценностей является, согласно И.А. Ильину, залогом творческого будущего. Ценностный подход к изучению истории позволяет взглянуть на Россию изнутри не предвзято. Он заключается во взгляде на историю России как историю идей о ней, историю попыток определения тех ценностных констант, которые объединяли и дальше смогут объединять эту цивилизацию.

Ценности связаны с менталитетом нации, в котором они формируются и развиваются. Ценность надлежит искать в национальной культуре, которая является системой ценностей.

О.Г. Дробницкий в энциклопедической статье пишет о положительной значимости и предписательной нормативной сущности ценности, заложенной в национальном сознании. Ценность является категорией духовной: это то, что формируется и сохраняется в национальном менталитете в качестве цели для существования и развития, идеала; что воспринимается в качестве значимого для национальной жизни; что определяет мотивы и оценки деятельности нации, групп, личностей.

Примером ценностного взгляда на историю России может служить позиция П.И. Ковалевского, который, рассматривая основные исторические события, подчеркивал важнейшую роль народности, единства, православия и самодержавия.

Таким образом, ценностный подход к истории России предполагает анализ национального менталитета, требует ответа на вопрос: кто мы и куда идем? И этот подход является актуальным для преодоления негативных тенденций национального бытия, определения оптимального пути развития, предусматривающего гармонию внутренней и внешней жизни нации и государства.

Рассматриваемый подход позволяет исследовать то, как и в какой степени актуализировались лучшие черты национального самосознания, насколько полно они раскрывались, позволяет определить причины успеха или неудачи нации и государства, исследовать внутреннюю сущность национальной культуры и государства. «Мировой опыт показывает, что реализация самосознания народов приводила их к защите их культурной самобытности, вплоть до образования самостоятельной государственности, или к расширению геополитического пространства для жизни народа, либо к защите собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств»⁶.

Необходимо прислушаться к мнению русского философа И.А. Ильина, писавшего, что «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада»⁷. Пренебрежение же национальными корнями ведет к упадку и деградации государства.

Категория национального менталитета достаточно описана в отечественной и зарубежной философии, однако для целей настоящего исследования целесообразно конкретизировать некоторые теоретические аспекты ее анализа.

Национальное самосознание или ментальность нации — это определенное социально-психологическое состояние субъекта (нации, народности), запечатлевшее в себе результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания

⁶ *Надточий И.О., Надточий О.П.* Русская национальная идея. (Проблема дихотомии «власть — народ»). Воронеж, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «ВГЛТА», 2008. С. 4.

⁷ *Ильин И.А.* Путь к очевидности. Сочинения. М., 1998. С. 240.

субъекта менталитета. Благодаря развитию национального самосознания у личности формируется достаточное, устойчивое и постоянное понятие о себе, о своей ценности, об иных ценностях, главные моменты которого сохраняются на протяжении всей жизни, и в значительной степени они обуславливают последовательность основной линии поведения в самых разнообразных жизненных ситуациях.

Современные мыслители склонны понимать национальное самосознание как осознание нацией своей самости. Ментальность для И. Пантина — выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании и культурных стереотипах⁸.

Представляется правомерным следующее определение национального самосознания (менталитета). Под менталитетом нации мы понимаем исторически сложившееся, долговременное, уместимое единство сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении. Формирование и развитие национального самосознания определяется условиями существования нации: природно-географическими, историческими, политическими, которые носят объективный характер.

Национальное самосознание имеет, подобно самосознанию личности, два уровня: дорефлексивный и рефлексивный. Сущность дорефлексивного уровня состоит в стихийном приобщении личности к культурно-символическим матрицам нации за счет вхождения в общий контекст данной национальной культуры. Основанием для такого «укоренения» личности в лоне родной культуры является усвоение синтаксиса и семантики языка, происходящее на бессознательном уровне.

Дорефлексивный уровень включает в себя подсознание нации, которое является основой для личностного подсознательного.

Основу подсознательного уровня национальной ментальности составляет национальный культурный архетип, который следует понимать как символическую схему коллективного под-

⁸ Пантин И.Н. Россия в мире: историческое самоузнавание // Вопросы философии. 1993, № 1. С. 30.

сознательного, являющегося основой национального самосознания. Понятие о национальном культурном архетипе базируется на представлении об архетипе как таковом, который был предметом серьезного анализа у К.Г. Юнга. Согласно концепции ученого, личностный уровень подсознательного является поверхностным, но покоится он на более глубоком слое общечеловеческого подсознательного, которое имеет общую природу⁹.

Под архетипом К.Г. Юнг понимает универсальные предрасположения, имеющие характер образов, но играющие роль основных постулатов подсознания. Архетипы, с точки зрения мыслителя, это наследуемые формы и идеи, которые наполняются конкретным содержанием только в ходе индивидуализации, т. е. в ходе переосмысления личностью своего мироощущения и миропонимания на основе этих форм. К.Г. Юнг подчеркивал схожесть архетипов у всех людей, находя в этом подтверждение однородности структурных компонентов человеческой психики.

Если в качестве объекта исследования мы рассматриваем государство или нацию, то речь должна идти о национальном культурном архетипе, т. е. об идеях и формах, разделяемых всеми представителями нации, о тех ценностях, которые определяются в качестве таковых на бессознательном уровне.

Национальные культурные архетипы знаменуют символическое переживание запредельного и интуитивного, т. е. это фигуры, повторяющиеся в истории¹⁰.

Особая роль подсознания состоит в охранительной функции, т. е. в предостережении индивида от форм и идей, чуждых его архетипам. Архетип зарождается еще в мифологическую эпоху, когда нет иных источников ценностной жизни нации, общества, государства. Исследование национального архетипа позволяет выявить основополагающие ценности русской национальной культуры.

Рефлексивный уровень¹¹ национального самосознания или национальной ментальности, в моем представлении, объединяет

⁹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988, № 1. С. 134.

¹⁰ Кудрявцев И.Е. Национальное «Я» и политический национализм // Полис. 1997, № 2. С. 73.

¹¹ Иванов А.В. Уровни русского самосознания // Вестник МГУ. Сер. «Социально-политические исследования». 1993, № 6. С. 58.

национальное рациональное, существующее в двух формах. Первая, эмпирико-феноменологическая форма, характеризуется тем, что обладающая ею личность логически анализирует сущность своей национальной принадлежности и делает теоретические выводы о сущности своей нации. Этот этап самосознания можно рассматривать как начальный этап познания смысла нации, когда она воспринимается как явление, поэтому для него свойственно большее внимание к внешним признакам нации. Мне кажется, что данную форму рефлексивного уровня национального самосознания можно назвать рассудком нации. Рассудок нации, в общих чертах, соответствует рассудку личности. Рассудок следует понимать как мышление образное, интуитивное, соединяющее содержательную часть мысли и оценку объекта и субъекта мышления. Обладая национальным рассудком, нация вырабатывает свои собственные пути рассуждения о конкретных вопросах, пути поиска решений в создающихся ситуациях. Изучение национального рассудка позволяет понять, какие выводы и решения примет национальная культурная личность в той или иной ситуации, какие осмысленные, сознательные оценки даст она тем или иным объектам.

Элементы национального рассудка, безусловно, носят сознательный характер, в отличие от подсознательных элементов психики нации, но их еще нельзя назвать полностью таковыми. Согласно моей точке зрения, рассудок нации или эмпирико-феноменологическая форма национального самосознания носит промежуточный характер, объединяя в себе иррациональные и рациональные черты национальной ментальности. Вследствие этого, его рассмотрение предполагает анализ таких категорий, как «национальный характер», «ценности», «идеалы», «традиции», поскольку категория национального рассудка находит свое раскрытие в этих понятиях, каждое из которых носит объективно-субъективный характер.

В отличие от бессознательных черт национальной ментальности национальный характер, безусловно, есть его иррациональная составляющая, так как данный элемент национальной ментальности не поддается строгому анализу с точки зрения логических категорий. К. Касьянова, согласно моей точке зрения, справедливо рас-

смачивает его как сложение генотипа и культуры¹², т. е. основой национального характера будут как сознательные, так и подсознательные элементы национальной психики. Понятие национального характера включает в себя национальный культурный архетип как основополагающий пласт, национальный стереотип — как исторически преобразованный архетип и определенную направленность жизнедеятельности нации, проявляющуюся в идеалах, традициях и нормах поведения нации.

Под национальным характером следует понимать не совокупность наиболее часто встречающихся черт характера у индивидов, принадлежащих к одной нации, а определенную направленность сознания нации; это внутренняя относительно самостоятельная содержательная, целенаправленная способность, сохраняющая и устанавливающая качественно ценностные резервы. Сущность национального характера раскрывается в таких категориях, как национальные идеалы, национальные ценности и национальные традиции. Национальные ценности раскрывают смысл национального идеала, с которым они соотносятся и на основании которого формируются.

Категория национального рассудка получает выражение в категориях эмпирического национального мышления и национального характера, предпосылкой которого являются национальный культурный архетип; сущность раскрывается в понятиях национального стереотипа, национальных традиций, ценностей и идеалов.

Вторую форму рефлексивного уровня национального самосознания — философско-метафизическую — можно назвать национальным разумом. Категория национального разума предполагает наличие определенных стабильных логических формул, способ приобщения к которым и будет определять сущность разума нации. Сегодня анализ позволяет сделать вывод о том, что Россия использует западные логические формулы, берущие свое начало от Аристотеля, научное и обыденное сознание подчинены четырем законам логики. Таким образом, национальный разум роднит русскую нацию с другими нациями, позволяет найти точки соприкосновения с другими культурами. Вместе с тем, недостаточная

¹² Касьянова К. О. русском национальном характере. М., 1994. С. 10.

изученность древнейших русских источников позволяет предположить, что существенные открытия в области национального разума еще возможны.

Для того чтобы рассмотреть историю России с применением ценностного подхода, необходимо исследовать формирование и развитие национального самосознания, изменения содержания идей и представлений о внутреннем и внешнем бытии России, проанализировать сущность, сохранность и изменчивость национального самосознания.

К сожалению, в связи с особенностью объекта изучения, отсутствием статичности, сложностью абстрагирования его от окружающей среды и иных объектов, отсутствием прямых источников о ценностном понимании бытия, ценностный подход к истории довольно затруднен. Представляется целесообразным проведение системного исследования памятников литературы, науки, искусства, народного творчества на предмет определения основных ценностей общества, изменения их перечня и анализа влияния их на внутреннюю и внешнюю жизнь государства и общества, положение государства в системе мировой культуры.

Изначальные ценности русской культуры, Российского государства закладываются в национальном архетипе, раскрывающимся в мифологии, которая, по мнению Г.Д. Грачева, есть для него первое окружение¹³. Русский культурный архетип формировался в древнейший дохристианский период истории, поэтому именно в нем, справедливо будет искать основу для представления о русском культурном архетипе. Из народных былин можно сделать вывод о доброте, кротости, простоте и неторопливости русского человека. Об этом говорит хотя бы имя одного из почитаемых богатырей — Добрыни Никитича — и весь цикл посвященных ему былин. Победив Змея, Добрыня в первый раз прощает врага и идет на заключение с ним мира, что подтверждает его доброту и бесхитрость.

О неторопливости, даже о какой-то заторможенности русского национального сознания свидетельствует миф об Илье Муромце, просидевшем дома 30 лет. Это спокойствие, однако, не гово-

¹³ Грачев Г.Д. Термин: национальный логос // Вопросы философии. 1994, № 2. С. 21.

рит о бездеятельности русского человека, но свидетельствует о его погруженности в созерцательность. Эта медлительность присуща ему лишь до поры до времени, с наступлением которого русский человек становится ловким, удачливым, способным быстро перебирать чужой опыт. О такой находчивости говорит нам известная русская народная сказка «Маша и Медведь», в которой девочка сумела перехитрить сильного и злого медведя.

Об антиномичности русского архетипа можно говорить на основании того, что герои национальных мифов часто совершают противоречивые поступки, а также того, что им даются неоднозначные оценки. Так, лиса в представлении наших предков понималась и как символ безобидной лести, и как символ ума, и как символ лжи и коварства.

Такая антиномичность приводит к противоречивому восприятию России. Известные выражения — «Земля богата, а порядка нет», «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная» — ярко иллюстрируют данное обстоятельство.

С противоречивостью национального самосознания связывают многовекторность русской истории. Например, М.О. Меньшиков характеризовал российскую историю как обладающую значительной долей анархизма, указывал на отсутствие в ней линейного прогресса, подобного тому, что демонстрировала история западных государств.

Наличие в русском национальном самосознании потенциально возможных противоречивых черт обуславливает также то, что в различные исторические эпохи доминируют различные ценности. В отдельные исторические периоды можно говорить даже о выходе на первый план антиценностей русской культуры. Примером могут служить «лихие девяностые», когда в качестве основных ценностей культивировались имущественное благополучие, конкуренция, утилитаризм. Наличие — пусть только в потенции — положительных качеств русского самосознания способствует восстановлению и самовосстановлению национальных ценностей, знаменуя возможность укрепления успешности, жизнеспособности русской нации и государства.

Важной чертой русского национального архетипа можно назвать его религиозность, направленность на освоение немате-

риального мира, на осознание временности, бренности земного бытия, а потому, до некоторой степени, и бессмысленность посястороннего существования. Из всех русских былинных персонажей только Святогор надеялся совершить невероятное преобразование в реальном мире, перевернув землю, но, по свидетельству былинщика, она воспротивилась ему.

Русская мифология, таким образом, предопределила культурный архетип. «Только высшая сила, а именно Бог, не всегда православно и даже христиански понимаемый, является идеалом для русской личности»¹⁴.

Особое место в осмыслении национального менталитета занимает понимание смысла русских народных сказок, которые содержат в доступной форме перечень национальных ценностей. Исследователи приходят к выводу, что русские сказки внушают идею о глубоко нравственном и обдуманном процессе исторического развития страны. Объединяющей идеей служат природа, мир, принятие его условий, целеполаганий и единства всего сущего¹⁵. В сказках происходит утверждение ценности Родины, дома.

В целом, анализ русского культурного архетипа разными исследователями позволяет утверждать, что в его основе лежат следующие ценности: образность, внутренняя свобода, восприимчивость, созерцательность, одухотворенность, религиозность, направленность на высшие силы или на идеальную субстанцию, соборность, творчество, неторопливость, стремление к всемирному реальному воплощению идеи.

Культурными архетипами русской нации И.А. Ильин, сторонник русской культурной оригинальности, называл православие, свободу и оригинальное мышление. Православие для него — определяющий фактор развития национальной культуры. Любовь и вера — это движущие силы России. Мыслитель считал, что «вера взывала к свободному человеческому сердцу», вследствие чего русский человек был сердечен, прост и глубоко и искренне религиозен. Вторым источником русской ментальности является внутренняя свобода, выраженная в органической естественности

¹⁴ Первезенцев С. Русский лад печальности // Наш современник. 1996, № 9. С. 204.

¹⁵ Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 104.

и простоте. Особое внимание философ обращал на ценность правды и справедливости. Он писал: «Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке: “Надо жить по Божьи, что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу...”»¹⁶.

Следует отметить, что для русского самосознания православное мировоззрение не тождественно библейскому, поэтому неправомерно ставить знак равенства между этими ценностными системами. «Святая Русь своим умом толковала Библию по потребностям жизни, главным образом “опосля деяний”»¹⁷.

Основополагающим фактором культурного облика русского человека Н.Я. Данилевский считал православие, имеющее у него значение первостепенной неискаженной религии.

Славянофилы видели источник и основополагающий элемент русской ментальности в православии, которое понимали как важнейшее условие для правильного развития национальной культуры. Основными чертами архетипа они называли духовность, созерцательность, волю.

Архетипом русской национальной культуры С.А. Булгаков, продолживший во многом традиции славянофильства, называл религиозно-нравственный фактор. Мыслитель делал вывод о том, что сущность православия определяет отличие русской ментальности от самосознания других народного христианства.

В основе формации русской души, согласно Н.А. Бердяеву, лежат природная стихия и аскетическое монашеское православие.

Для Г.П. Федотова, продолжателя традиции С. Булгакова и Н. Бердяева, архетипы русской культуры связаны с православием; ведущей ее чертой он называл духовную свободу.

Ф.А. Степун называл типичными для русского мышления такие категории, как святость, предметность, действительность, соборность. Соборность понималась им как способность русского культурного архетипа творчески преобразовывать элементы иных культурных кодов.

¹⁶ Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи / Под ред. О.А. Платонова. М., 2007. С. 16.

¹⁷ Мертвая вода. М.: НОУ «Академия управление». 2009. С. 242.

Отличительными качествами русского народа, по мнению В.Г. Белинского, являлись «бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость, молодечество, разум и удалство».

Исследователи отмечают особую черту русского самосознания — «чувство правды, справедливости»¹⁸. При этом, в отличие от человека западного типа культуры, для русского человека понятие справедливости не отождествляется с законом, это нечто более сложное и высокое. Поэтому в отношении к законам в России явно прослеживается нигилизм, который препятствует оценке русского общества как гражданского и правового.

Особенность русского культурного архетипа состоит том, что он представляет собой открытую систему, а потому может вбирать в себя и творчески преобразовывать элементы иных культурных кодов. Такая особенность, а также и объективные условия формирования и развития русской культуры, к которым в первую очередь следует отнести сложный переменчивый климат и иные природные условия, которые могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными, предопределяет противоречивость национального менталитета, т. е. наличие в нем наряду с ценностями антиценностей.

Некоторые из исследователей делают вывод о неспособности русских к самостоятельности, организованности, о неспособности распоряжаться свободой¹⁹.

Предубеждение относительно рабской покорности, беспомощности и несамостоятельности русских довольно широко распространено как в трудах корифеев, так и современных исследователей. Достойный ответ подобным выводам дал академик Д.С. Лихачев, который наглядно продемонстрировал, как сама история показывает неискоренимое стремление русских к свободе, их деятельное отношение к жизни и своему предназначению.

Одну из наиболее одиозных позиций по отношению к русскому национальному менталитету занимает А.В. Овчинников. Среда,

¹⁸ *Надточий И.О., Надточий О.П.* Русская национальная идея (проблема дихотомии «власть – народ»). Воронеж: Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «ВГТА», 2008 С. 23.

¹⁹ Россия и Восток: язык–культура–ментальность. Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Владимир, ВГУ, 2010. С. 282.

в которой развивается русский человек, является, по его мнению, шизоидной, приводящей к «сбою» нормального алгоритма развития психики, который мешает русскому человеку стать постиндустриальным европейцем²⁰.

Причинами шизоидности русского культурного типа А.В. Овчинников называет наличие патриархальной семьи, ранние браки, особенности работы государственных органов, низкое качество образования.

Примечательно, что психологи смотрят на проблему шизоидности несколько иначе. Авторитетные зарубежные авторы определяют шизоидность как состояние, характеризующееся отсутствием заинтересованности в социальных отношениях, тенденцией к одиночному образу жизни, скрытностью и эмоциональной холодностью²¹.

Следует отметить, что в ряде случаев негативная оценка русского национального менталитета определена не научными исследованиями, а политическим заказом, стереотипами восприятия Российского государства. Вместе с тем, следует отметить, что в национальном характере действительно присутствуют негативные черты. Формирование отдельных из них обусловлено природными условиями существования русской нации. Например, часто упоминаемые русская лень, неспособность к планомерному, размеренному характеру труда связаны с особенностями сельскохозяйственного цикла в России. Есть, однако, и такие черты, которые изначально являются положительными, но способны менять свое значение. Так, русский человек стремится к идеалу, к его воплощению на земле; однако, осознав собственную неидеальность, он часто прекращает всякие действия для достижения цели, смиряется со сложившимся положением. Л.П. Карсавин, отмечая это свойство русской личности, говорит об отсутствии пафоса, об «опускании рук».

Мессианская направленность русской культуры предполагает установление идеала, «царства Божия», на всей земле. Эта широта постановки вопроса делает малозначимыми для русского сознания, второстепенными задачи построения удобных условий жизни, ве-

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Arthur S. Reber. The Penguin Dictionary of Psychology. 1995. P. 690.

дет к откладыванию решения социально-экономических вопросов «на потом», как это нередко бывало в российской истории, — например, в период Петровских преобразований, в отдельные годы существования Советского Союза. Это способно привести к конфликту идеала и реальности, а следовательно, к актуализации негативных черт национального самосознания.

Положительные или отрицательные черты национального самосознания актуализируются в зависимости от целого ряда факторов, к которым следует отнести условия, создаваемые природой, внутренней и внешней средой развития русской культуры.

Краткий обзор отдельных исторических черт русского общества и государства с позиции ценностного подхода

Древняя история русской культуры, русского менталитета тесно связана с мировоззрением. В качестве основных ценностей и целей своего существования русское общество видит православную духовность, творчество, добро, правду и справедливость, достойное место в мире и ответственность за его судьбы.

Важной характеристикой древнерусского мировоззрения было представление о существующем мире как о едином целом; отсюда обряды, связанные с поклонением природе, ее отдельным проявлениям.

Киевская Русь, по мнению исследователей, живет в соответствии с ценностями христианского мира. Г.П. Федотов исходил из предпосылки, что в силу общего источника — культуры Древней Греции — Киевская Русь и Европа обладали христианским и культурным единством. Философ находил, что в свой начальный период развития русская культура была ближе к западной, она «жила одной жизнью с восточной окраиной латинства»²², о чем свидетельствует наличие одинаковых предпосылок свободы. В определенной степени можно согласиться с такой оценкой: действительно, образ жизни русского человека того времени был сходен с образом жизни представителя Европы. С.Ю. Иванова,

²² Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. С-Пб., 1991. С. 280.

рассуждая о русской культурной идентичности, справедливо делает вывод о том, что в «Повести временных лет» излагается идея равного положения русских с другими народами. Начало летописи свидетельствует о происхождении различных народов от Адама, русские называются потомками Иафета.

В IX — XI вв. Киевская Русь в конфессиональном и культурном плане для Западной Европы не была чуждой, однако нельзя ставить между ними знак равенства, так как уже в это время ценностные основы русского и западного общества не были одинаковыми.

В качестве одной из высших ценностей русской культуры изначально существует идея справедливости, которая не связывается с законом. Справедливость, в соответствии с русским менталитетом, должна исходить сверху, с ней связана идея самодержавия, т. е. самоуправления своей волей. Справедливость возможна только в том случае, когда сильная власть сочетается с творческой духовной свободой, а полномочия общины и государства разделены. Мне не известны источники, свидетельствующие о непримиримых конфликтах общества и государства в период существования первого Русского государства, известного официальной историографии, о конфликтах, подобных восстаниям рабов в государствах Древнего Востока или Античности. Это можно рассматривать как аргумент в пользу особого, самобытного политического строя, как доказательство возможности поступательного развития Русского государства и общества, раскрытия потенциала русской культуры.

Важное место среди ценностей древней русской культуры занимают святость, духовность, противостояние злу ненасильственными методами, защита Правды. Первыми русскими святыми стали князья Борис и Глеб, приехавшие к своему брату Святополку, зная о его коварстве. Они были убиты по его приказу, но не допустили кровопролития невинных людей. Князья-страстотерпцы повторили путь к смерти, пройденный Иисусом Христом, и в духе новозаветного учения предпочли покорность сопротивлению, добровольно приняли смерть. По мнению исследователей, поступок Бориса и Глеба стал воплощением нравственной высоты и Высшей Правды; отсюда и русская пословица: «Не в силе Бог, а в Правде». Ценностный вектор национального самосознания

отдает приоритет благу, власть рассматривается как путь к благу. Русское самосознание формирует такое отношение к власти, когда она понимается как бремя для совести. Формируется мировоззрение, в соответствии с которым достижение власти не рассматривается как высшее достижение и важнейшая цель.

В целом период Киевской Руси получает положительную оценку со стороны патриотически настроенных историков. Так, отмечают успехи Русского государства на внешнеполитическом поле, происходит усмирение диких племен, появляется единая идеология — православие. Вместе с тем, нельзя не отметить, что период существования Киевской Руси завершился раздробленностью и усобицами, т. е. уже внутри истории Древнерусского государства закладывались его будущие проблемы. Признавая, что именно в этот период закладывались идеологические основы Российского государства, формировались образы национальных героев, оформлялись онтологические представления, нельзя игнорировать и отрицательные явления в истории Киевской Руси. Само крещение Руси, в ряде случаев мечом и огнем, не может оцениваться однозначно. Представляется возможным в качестве одной из версий, объясняющих данные обстоятельства, рассматривать актуализацию негативных сторон национального менталитета под влиянием отдельных внутренних и особенно внешних факторов, которые внедряли в мировоззрение русского человека антиценности русской культуры: личная власть, индивидуальное богатство, достижение собственного превосходства.

Сложным для исторического анализа представляется период татаро-монгольского нашествия и последующего ига. У одних историков — например, у Н.М. Карамзина, Д.И. Иловайского — он получает характеристику национальной трагедии: утверждается, что татаро-монголы уничтожили все достижения Русского государства, отбросили его с общеевропейского исторического пути. Другая группа мыслителей утверждает необходимость более сложной оценки: если в политической области Русь, лишившись самостоятельности и влияния восточной культуры, понесла урон, то в области духовной, нравственной татаро-монгольское влияние послужило во благо, так как оградило Русь от влияния католичества, помогло сохранить самостоятельность и оригинальность

национального мировоззрения. П.И. Ковалевский назвал татаро-монголов одновременно и погибелью, и спасением Руси, объясняя это тем, что татары осуществляли управление Русью издали, через русских князей — своих представителей, собирая дань, но не вмешиваясь в образ жизни, религию, обычаи. Ковалевский подчеркивает, что татаро-монгольское нашествие стало тем событием, которое актуализировало в национальном сознании ценность единого государства: теперь русские осознали свою беду и увидели спасение в объединении разрозненных частей²³. В соприкосновении русской души с тиранством евразийцы видели путь к решению вопроса о самосознании русской культуры. Нашествие Батые на Русь, признаваемое в государственном отношении как национальная катастрофа, рассматривалось как благо в культурном смысле. Представители данного философского течения были благодарны монголо-татарам за терпимое отношение к вере, за данную возможность сохранить верность православию. Период монголо-татарского ига являлся для евразийцев началом осознания русской нацией сущности своей культуры как славяно-монгольской. Отношение русских и восточных элементов не было эклектичным или искусственным; в XIII-XIV вв. русские люди ощущали культурное единство России — Евразии, а Московское царство стало наследником империи Чингисхана.

Наконец, существует позиция, наиболее ярко представленная Л.Н. Гумилевым, согласно которой в истории России не было татаро-монгольского ига, а было взаимовыгодное сотрудничество русских и тюркских племен, культурологически близких друг другу.

В древнерусский период и после, в эпоху формирования Московского царства, в качестве ценности национальной культуры, общества оформляется соборность. Возникает и развивается идеология единства народа (общины), власти (государства) и веры (идеологии, мировоззрения). Идея соборности преодолевает индивидуализм и рационализм западного мировоззрения, а также обезличивание и созерцательность восточного мировоззрения, позволяет создать принципиально новые отношения власти и общества, которые в последующем не единожды позволят России

²³ Вестник ВГУ. Серия «История. Политология. Социология». 2006, № 2. С. 90.

объединить свои силы и выстоять. В целом можно сделать вывод о том, что в древности были сформулированы в национальном сознании основные ценности, определяющие Россию как особую цивилизацию, и дать им положительную оценку.

Зарубежные же источники свидетельствуют о противоположных оценках уже раннего периода русской истории. Невзирая на все хозяйственные, внутри — и внешнеполитические достижения Древней Руси, в хрониках XII-XIII вв. русские предстают как дикие, неблагородные, необразованные люди, тяготеющие к общению с язычниками²⁴. Такая тенденция сохранится до современности, российская история будет представать в зарубежных источниках как страна варваров, неспособных к цивилизации.

Историю Московского царства нередко характеризуют как период, когда в русской культуре преобладали преимущественно восточные элементы. Как наследие татаро-монгольского ига историки нередко называют деспотизм государя, затворничество женщин, закрепощение. Вместе с тем, в этот период Русское государство не стремилось к ограждению ни от западного, ни от восточного мира, а в соответствии со своими ценностными установками стремилось оказать поддержку развитию духовности и нравственности. Основными ценностями, которые поддерживаются в Российском государстве того периода, следует назвать — сильное государство с сильным правителем, соборность, православие.

Сильное государство немислимо без укрепления рубежей, без создания и поддержания условий невозможности для его противников нанести удар, без защиты населения. В период существования Московского царства произошли важнейшие мирные территориальные приобретения, освоение и цивилизация по русскому пути великих сибирских земель. Ценность сильного государства, заботящегося о своих подданных, а потому стремящегося к включению в свою сферу влияния новых объектов, оказалась устойчивой на протяжении многих поколений. С эпохи первооткрывателей Сибири и почти до XX столетия территориальные приращения России, чаще ненасильственные, были практически обычным явлением.

²⁴ Концепции и оценки развития России (XX в. - начало XXI в.) в зарубежных исследованиях. Коллективная монография. Отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М. ИНИОН РАН, 2010. С. 184.

Историки отмечают особый культ духовности, нравственности, особое представление о чести и достоинстве в русском обществе Московского царства.

XV-XVI вв. проходили на Руси под знаком укрепления государства, обеспечения его мощи, поддержания внутренней свободы, поиска правды и справедливости. Не случайно в этот период на историческом поле возникают фигуры известных русских путешественников, первооткрывателей. В этот же период возникает серьезный идеологический конфликт — спор между иосифлянами, которые были по своему мировоззрению довольно близки к западному мировоззрению, и нестяжателями, которые отстаивали высокие духовные принципы русской православной веры, отстаивали идеологию, направленную на торжество духовного приоритета.

В XVI столетии формируется идея, определившая цель существования и направление развития Российского государства на дальнейший период. В соответствии с православной направленностью национального менталитета, его духовностью, стремлением к принятию ответственности за судьбы всего мира, монахом Филофеем в послании псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину была озвучена формула «Москва — Третий Рим». Смысл ее заключался в том, что Московское царство является преемником духовного центра человечества, принимает на себя роль хранителя духовности, сосредоточения высоких православных ценностей, которые должны стать основными ценностями мира. У Москвы, по мнению Филофея, нет возможности отказаться от этой миссии, отсрочить ее выполнение или передать кому бы то ни было. Москва окружена неправославными государствами. Если погибнет Москва, как носитель православной веры, то погибнет православие в мире, и русские люди будут неизбежно виноваты в этой гибели²⁵. Монахом Филофеем произнесена формула цели российской истории: Московская Русь становилась единственной хранильницей истинной веры, а Москва — новым центром православной Вселенной.

Идея «Москва — Третий Рим» стала квинтэссенцией представлений московских поданных о значимости русской культуры, о ее

²⁵ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005. С. 122.

особенном месте в мире, о неприемлемости ее оценки как культуры неразвитой, младенческой. Национальное самосознание нуждалось в таком подтверждении. Неслучайно на рубеже XV — XVI вв. появляются сочинения, возводящие родословную великих князей московских к древнему Риму эпохи империи, возникают теории, обосновывающие право царей на самодержавие.

Дальнейшая политика Московского царства стала свидетельством восприятия данной идеи в качестве особой ценности русской нации, основной цели. В 1557 г. Иван IV обратился к константинопольскому патриарху с просьбой благословить его на царство и поминать его на литургии. Вселенский патриарх Иоасаф утвердил его на царство. Имя Иоанна стало упоминаться наряду с именами прежних византийских императоров, т. е. православные иерархи признали его их преемником.

Царь предпринимает действия, направленные на создание условий, при которых возможно осуществление высоких задач, стоящих перед Москвой, и в первую очередь делаются попытки усилить государство, обезопасить границы. В это время активизируется политика России как на Западе, где решалась задача возвращения исконно русских земель, так и на Востоке, где распространялась православная духовность, черпались ресурсы для выполнения мессианской роли.

Высокая миссия Русского государства предопределяет и формирование высшей власти, представление о ней как о божественном промысле. Не случайно Иван Грозный в письмах к Стефану Баторию писал так: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению»²⁶. В этой фразе Ивана IV заключено также представление о ценности сильного самодержца, ответственного перед Богом, почти религиозной фигуры. При этом царь Иван не был воплощением деспота-самодура — управляющий, сообразуясь только с собственными желаниями и волей, он сам ставил великих государей только на пятое место в иерархии сил, управляющих²⁷.

Идея «Москва — Третий Рим» развертывала и представление о том, какой быть власти. Правитель должен воплощать собой

²⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. Сочинения. Т. II. С. 196.

²⁷ Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008, № 3. С. 7.

идеал православного государя, т. е. быть нравственным и помнить о своей ответственности перед Богом, быть защитником православной веры и церкви. Дальнейшее развитие отечественной истории неоднократно показывает, что российские государи испытывали как чувства вины, раскаяния и смирения, так и собственную ответственность за судьбы православного мира.

Нельзя, конечно же, отрицать, что не всегда такое мироощущение правителя идет на пользу государству, что попытки осуществить высокую идею приводят к игнорированию насущных проблем общества, а следовательно, актуализируют негативные черты национального менталитета. Особенно опасно это для России: русская культурная личность, не удостоверившись за непродолжительный срок в том, что идея реализуется, способна перейти от восторженного к отрицательному восприятию основных ее проводников. Примером такой перемены может служить отношение к царю Борису Годунову, представленное отдельными источниками, когда до начала его царствования с ним связывали определенные надежды, требовали «Бориса на царство», а затем, когда надежды не оправдались, он стал в общественном мнении царем-иродом.

Мессианская идея как высшая ценность Русского государства, представление о высоком предназначении русского общества обуславливают и положительное восприятие в национальном самосознании высшей персонифицированной власти. Так, Иван Грозный получает положительную оценку в фольклоре. В исторических песнях его называют великим православным царем,²⁸ царем-надежей²⁹, что явно не соответствует его оценки в официальной зарубежной и официальной отечественной историографии. Ценностный анализ эпохи Ивана Грозного подлежит особому осмыслению, так же как и личность царя.

Следование национальным ценностям сильного государства, единства, духовности, православия позволило Московскому царству занять подобающее положение на мировой арене. Однако, начиная с конца XVI столетия, становится очевидным недопущение игнорирования субъективного фактора истории — роли личнос-

²⁸ <http://vseposlovici.ru/2011/05/14/smert-ivana-groznogo/>

²⁹ <http://vseposlovici.ru/2011/05/16/terskie-kazaki-i-ivan-groznyj/>

ти. Русское самосознание формирует в целом положительный образ царя, правителя. Подтверждением этого служат древнерусские пословицы и поговорки: «Без бога свет не стоит, без царя земля не правится», «Никто, как бог да государь», «Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле», «Царь от бога пристав»³⁰. Такое отношение рождало особую ответственность царя за судьбу государства, высокую самооценку, которая становилась причиной завышенных ожиданий от качества управления.

XVII в. проходил под знаком идеи о возвращении стран, «отпавших» от православия, исказившись веру, в лоно православной церкви. Во многом с этой точки зрения можно объяснить церковную реформу Никона. Однако попытка быстрого решения вопроса, что было не в традициях русской культуры, привела к последствиям, к которым ни общество, ни Русская православная церковь, ни власть не были готовы. Все чаще Русская церковь сталкивалась с другой большой проблемой, возникшей из-за попыток европеизации Руси. Наряду с заимствованием различного рода технических сведений и привлечением западных мастеров происходило проникновение западной культуры и религиозных убеждений. Церковный собор 1690 г. продемонстрировал попытку ограждения России от западного влияния, однако избранные методы не были адекватны сложившейся ситуации. Это привело к нарушению баланса между светской и духовной властями, формированию новой государственной политики, ставящей во главу угла светские ценности.

Реформа Никона привнесла не только обрядовые новшества в церковную жизнь; были изменены священные тексты, которые теперь не отвечали русским ценностям соборности, нестяжательства, труда. Трагедия XVII в., по мнению ряда исследователей³¹, состояла в «духовно-нравственном надломе народной души», в принуждении к изменению своим идеалам. Происходит раздвоение русской жизни и русской истории, которое, по мнению Н.А. Бердяева, продолжалось до XX столетия.

Следует обратить внимание на то, что реформирование Русской православной церкви вызвало появление двойственной исто-

³⁰ <http://aphorisms.su/poslovicy/carj.html>

³¹ Инновационное образование и экономика. № 9 (20), декабрь 2011 г. С. 52.

рии русской культуры, где староверы, а затем и старообрядцы, были субъектами традиционной культурной жизни. Нарушение древних постулатов православия вызывало протест в национальном сознании, новые идеологические установки расценивались как неприемлимые. В период Московского царства оформляется такая ценность русской культуры, как «воля». Русская воля проявляется в широте поступков, в народных выступлениях, которые могут произойти по любому поводу, но могут закончиться в том случае, если наносят вред единому государству.

Важным аспектом духовной жизни стало оформление ценностей хозяйственной жизни. В Домострое рассматривались такие ценности, как труд, бережливость, разумность в потреблении. В тот же период четко определяется национальное представление о том, что есть приемлемые и неприемлемые способы получения материальных благ, обогащения. Г. Нисский заявлял, что «к числу возбраненных дел принадлежит лихва и рост, и приобщение к своему стяжанию чужаго чрез некоторое преобладание, хотя бы то было под видом договора»³².

Эпоха Петровских преобразований и последующий период истории Российской империи являются примером ярких противоречий. С одной стороны, нельзя не отметить успехи в хозяйственной жизни, изменение роли России на международной арене, официальное признание ее высокого статуса, завоеванного сначала в войне со Швецией, затем в других, не менее значимых сражениях. С другой стороны, зачастую преобразования проходили без привязки к национальным культурным особенностям, без надлежащей подготовки, уничтожались самобытные достижения русской культуры в угоду европейским образцам. Так, Петр I принудил строить корабли по иноземным чертежам, даже не озаботившись тем, что русские поморы издревле строили морские суда, более технически совершенные и позволяющие путешествовать по северным широтам, недоступным для европейцев. Ценности русской культуры сохранялись лишь в тех слоях русского общества, где не утрачивались древние традиции. Российская аристократия постепенно теряла связь с националь-

³² Баженова М.А., Баженов А.А. Русские и немцы. Какие мы и какие они? Методы исследования национального характера. Саров, 2009. С. 272.

ными ценностями, приобретала западный лоск и занималась «европейничанием».

Радикальные преобразования, затронувшие Россию в XVIII столетии (и прежде всего политика Петра I и его преемников, направленная на построение государства и развитие общества по западному образцу), невнимание к культурным традициям — все это привело к негативным явлениям в российской жизни. В XIX столетии активизируется вопрос о национальной самобытности, о поиске и реализации национальной идеи.

Российская империя в ценностном отношении находилась в нескольких плоскостях. Во-первых, ценности рационализма и индивидуализма, гражданского общества, демократических прав и свобод. Отсюда — воззрения русской интеллигенции, проекты конституции, строительство новых отношений в военной и судебной области. Во-вторых, ценности национального единства, сильного государства, ответственность за судьбы православных народов и славянских государств. Воплощение этих ценностей наиболее ярко выразилось в борьбе России с турками за свободу и независимость Балкан. Особо хотелось бы подчеркнуть бескорыстность данной борьбы для национального менталитета. Существовали в национальном самосознании и ценности соборности, приоритета целостного общества, преобладания общественного интереса над частным. Община — в первую очередь община староверцев — является воплощением соборности.

Представляется актуальным провести анализ ценностных представлений и воплощений российского общества и государства в имперский период.

Во-первых, это ценностные установки в экономической области. Период Российской империи стал временем внедрения в национальное самосознание западных ценностей предприимчивости, богатства, успеха. Но за все время они не стали доминирующими в русском обществе. Основополагающим тезисом русской экономической школы явился примат духовного начала в экономике, примат нравственного интереса человека³³. Православная экономическая этика противостояла идеологической сущности

³³ Русская нация и государство. М.: Изд-во «Граница», 2002. С. 170.

капитализма, которая была проекцией протестантской религиозной этики. Русское самосознание отрицало рожденный протестантизмом постулат о том, что богатство является проводником в рай; скорее оно воспринималось как препятствие к этому. Русская православная этика всегда ставила личное обогащение на второй план. Она не отрицала недостаток, но отводила ему подчиненную роль. В православии формируются два нравственных побудительных мотива к экономической деятельности: «стремление обеспечить достойное существование самому себе и ... производство материальных ценностей, с помощью которых решались бы социальные проблемы всего общества»³⁴.

Православная оценка богатству находила поддержку во всей слоях русского общества, которое формировало к нему отношение, не совпадающее с принятым в западных странах. Отношение к богатству как к ценности характеризуют такие пословицы, как «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаем», «Богатому сладко естся, да плохо спится. Без денег сон крепче», «Богатство спеси сродни», «Богатый совести не купит, а свою губляет», «Через золото слезы льются»³⁵ — свидетельствуют об отсутствии преклонения перед богатством, невключении его в систему национальных ценностей.

Вместе с тем, будет неверным распространенное утверждение о том, что идеалом материального состояния были нищета и крайняя бедность. Наряду с такими пословицами, как «Бедность — святое дело», «Богат, да крив; беден, да прям», «Богатый бедному дивится, чем он живится? Ан бог помог», «Где голь берет? — Голи бог дает», утверждающими нравственный приоритет бедности, ее богоугодность, существуют и те, которые показывают отрицательное отношение к бедности, нищете, особенно порожденной бездельем, — например, «Бедность не порок, а вдвое хуже», «Бедность не грех, а до греха доводит»³⁶.

³⁴ Православие и правосознание в России: история и современность: Материалы всероссийской научно-теоретической конференции, 3 февраля 2005 г. М.: Московский университет МВД России, 2005. С. 239.

³⁵ <http://www.aphorism.ru/dal/10.html>

³⁶ <http://www.aphorism.ru/dal/11.html>

В национальном самосознании к этому времени укрепилась ценность праведно нажитого достатка. Труд, направленный на приобретение, рвачество, подвергался осуждению, равно как и безделье. Труд должен быть направлен на благо всего общества, посягательство на плоды чужого труда рассматривалось как грех. Русское самосознание рассматривало богатство, деньги только как средство достижения высокой духовной цели, а не как саму цель. Пословица «Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили» выражает отношение русского человека к деньгам³⁷. Если в протестантизме свобода заключена в деньгах и их количестве, то для русского человека важна свобода от денег, независимость от них в жизни.

Русский фольклор содержит множество высказываний, подчеркивающих положительный облик деловой активности, бережливости, размеренности: «Без нужды живет, кто деньги бережет», «Без хозяина — деньги черепки», «Деньги счет любят. Хлебу мера, а деньгам — счет», «Деньги счетом крепки. Считанная сотня полна», «Держи девку в темноте, а деньги в тесноте», «Не богатый кормит, тороватый. Не богат, да тороват», «Богаты не будем, а сыты будем»³⁸.

Благополучие, достаток, нажитые собственным трудом, признаются ценностью и необходимостью для жизни. Распространенные стереотипы «русской лени» не находят подтверждения ни в истории, ни в идеологии русского народа. Труд представляется занятием, равным молитве и столь же необходимым для человека. Русская пословица гласит: «Богу молись, а сам трудись», что показывает ошибочность мнения о том, что в русском самосознании молитва была противопоставлена труду, деятельности, что русская культура предполагала уход в созерцательность. Трудолюбие многими исследователями называется в качестве основной черты русского национального архетипа, т. е. основополагающего фактора национального самосознания.

Труд в русской культуре получил одухотворенное нравственное содержание, отличное от механической работы. Д.И. Менделеев

³⁷ <http://www.aphorism.ru/dal/11.html>

³⁸ <http://www.aphorism.ru/dal/11.html>

отмечал, что «трудом или, лучше производительным трудом — должно называть нечто, совершенно отличающееся от того, что называется работой в исключительно механическом смысле этого слова... нечто потребное или необходимое и спрашиваемое людьми, считая, в том числе и того, кто трудится, главное же в труде — отсутствие неизбежной необходимости, т. е. для него нужен особый толчок собственной личной воли... хотя бы и напряженной»³⁹.

Труд, по мнению Д.И. Менделеева, является выражением полезности, деньги же, прежде всего, есть доверие к труду⁴⁰. С.Н. Булгаков находит в труде основной признак хозяйства и отличает трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ от их дарового получения.

Заметное место в философии Российской империи занимало представление о значимости государства в экономике. Несмотря на попытки реформировать хозяйственную жизнь по западному пути и определенные успехи в этом направлении, к которым мы можем отнести промышленное строительство, государство не было отделено от экономических вопросов так, как это предполагала идеология протестантизма и западной демократии. Государство рассматривалось как сила, ответственная за экономическое развитие.

Немалую роль в хозяйственной жизни играла ценность общности, общинности. До 1917 г. можно говорить о сохранении русской общины. Д.И. Менделеев отмечал, что «русский народ, взятый в целом, исторически, привык и к артелям и к общинному хозяйству»⁴¹. Община, коллектив были основным субъектом российской экономики. Интересы общины оценивались в качестве приоритетных, по сравнению с интересами личности или ее правами, закрепленными в правовых нормах, пришедших от Запада. Так, российское мышление не сформировало к концу XIX — началу XX столетия представления о частной собственности как о незыблемой ценности. Известен случай, когда община, в обмен на обязательство содержания, изъяла у вдовы земельный участок,

³⁹ Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: ЭКСПО, 2008. С. 67.

⁴⁰ Там же. С. 68.

⁴¹ Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: ЭКСПО, 2008. С. 93-94.

который был у нее в собственности, и суд признал это решение. Приоритетным признавалось использование собственности, ресурсов на благо всей общины по сравнению с ценностью права собственника.

Во-вторых, следует отметить, что в политической жизни Российской империи сохранялась идея о ценности сильного государства с сильным главой. На государство в национальном сознании, на всех его уровнях, возлагалась реальная ответственность за все происходящее. Д.И. Менделеев был убежденным государственным, доказывал важность сохранения мощного крупного Русского государства. Л.А. Тихомиров видел в отступлении государства от управляющей функции путь к его разрушению.

Очень интересно то, какое представление о государстве и государственном аппарате складывалось в фольклоре. Национальное самосознание разделяло царя, которого воспринимали в качестве отца нации, посредника между Богом и народом, и чиновничий аппарат. Народные пословицы «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Нельзя земле без Царя стоять»; «Без Царя — земля вдова»; «Государь — батько, земля — matka»⁴².

Русские пословицы говорят скорее о положительном отношении к высшей власти во главе с царем, в котором видели защитника и поборника правды. «Государь-батьюшка, надежа — православный царь». Решения царя сомнению не подвергались: «Бог на небе, царь на земле», «Воля царя — закон. На все святая воля царская».

Чиновники же воспринимались как нечто чужеродное, злое явление, как те, что противятся доброй воле государя, скрывающей от его народа блага, им дарованные. Об этом наглядно свидетельствуют пословицы: «Не от царей угнетение, а от любимцев царских»; «Не Царь гнетет народ, а временщик»; «Царские милости в боярское решето сеются»; «Царь глядит, а бояре скребут»; «Жалует Царь, да не жалует псарь»; «Царю из-за тына не видать»; «Стол (т. е. престол, трон) здоров, да забор плох». О ценностном представлении о государственном аппарате говорит также то, что на лубочных картинках дьявол изображался в мундире чиновника.

⁴² Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008, № 3. С. 5.

В противовес чиновничьему произволу развивалось представление о ценности самоуправления, общинного устройства. В Российской империи развивались собственные идеи об идеальном управлении на местах, подкрепленные ценностью соборности. Основные черты соборной демократии можно обозначить следующим образом. Русская соборность представляет собой также особый склад взаимоотношений людей, где каждый не теряет своей значимости, одновременно являясь частью целого; интересы одного не противопоставляются интересам общества. В отличие от западной демократии, основывающейся на верховенстве буквы закона, соборная демократия основывается на приоритете человека. Цель ее — чтобы «была человечность, а не буква закона»⁴³.

Соборная демократия, отражаясь в общинности, формирует общество, независимое от власти в тех аспектах, решение которых не является ее прерогативой. Решая вопросы культурного развития, община, например, опиралась только на собственную волю и собственные ресурсы.

Соборная демократия представляла собой творческое диалектическое сочетание интересов личности и общества, авторитета лучших лиц, пользующихся заслуженным авторитетом, и возможностей для новаторства. Патриархальность, консервативность соборности способна обеспечить стабильность русского общества, преемственность политической жизни поколений, а ее внутренний динамизм ведет к отсутствию застоя, в соответствии с общемировыми тенденциями развития национальных культур.

В русской культуре не оформилось в качестве ценностного объекта гражданское общество, которое в качестве основного непререкаемого приоритета утверждало индивидуальные права и свободы, а государству отводило роль ночного сторожа, за которым постоянно нужен глаз да глаз.

Не стала ценностью для национального самосознания личная свобода, она всегда находилась в тени добродетели, следовала за ней. Приведем один яркий пример: солдаты смогли быть выведены декабристами на площадь не под знаком борьбы за свободу, а под знаменем защиты законного царя Константина и его жены Конституции.

⁴³ Солоневич И.Л. Россия и Революция. М.: Изд-во Фонд ИВ., 2007. С. 213.

В-третьих, для всего периода российской империи характерно преобладание ценности справедливости над ценностью права. Даже суды присяжных, созданные по западному образцу и подобию, нередко руководствовались не буквой закона, а представлениями о справедливости. Право в народном сознании следовало за справедливостью и было подчиненно ей. Национальное самосознание продолжало мыслить категорией правды, т. е. соединения истины и справедливости.

Продолжает быть актуальной идея об ответственности России за судьбы мира, тем более славянского мира, идущая от идеи «Москва — Третий Рим». В отечественной философии формулируется представление о русском как о всечеловеке, а о русской культуре — как о культуре, способной объединить бесчеловечного Бога Востока и безбожного человека Востока, избавив их от приставки «без» и сохранив только положительные ценности (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и др.). Русско-турецкую войну последней трети XIX столетия можно назвать одним из шагов реального воплощения этой ценности. Со сходных позиций можно рассматривать и вступление России в Первую мировую войну.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что основные традиционные ценности русской культуры — такие как православие, духовность, нестяжательство, разумный достаток, сильное государство, община, соборность, сильный глава государства — император — сохранялись в национальном самосознании на протяжении имперского периода.

Возникает вопрос: в чем тогда состояла причина разрушения Российской империи, если ее ценностная основа сохранялась? Ответ можно усмотреть в следующих факторах. Во-первых, в уже упомянутой антиномичности национального самосознания, его свойстве в той ситуации, когда идеал не достижим, отказываться от него вовсе, приходиться к мысли о бесполезности праведной жизни, к поиску личной выгоды. Во-вторых, развитие многих сфер жизни в период Российской империи приобрело более высокий темп — весь образ жизни менялся гораздо быстрее. Только за один XIX в. произошли перемены, сопоставимые с произошедшими в течение нескольких предыдущих столетий. Неудивительно, что для определенной части общества традиционные православ-

ные ценности выглядели анахронизмом — тем, что препятствует развитию страны по общему цивилизационному пути. Проводя сравнение России с Западной Европой, нередко находили преимущества не в отечественной жизни, и приходили к заключению, что необходимо внедрять новую ценностную систему.

В-третьих, полагаю, свою роль сыграли перемены, происходящие в области образования и воспитания. Петр I, направив дворянских и боярских сынов учиться за границу, дал им наказ, в соответствии с которым они воспринимали Европу в качестве непреложного идеала и образца, к которому необходимо стремиться, а все отечественное воспринимать как нечто темное и отсталое. С этого времени и до разрушения государства воспитание национальной элиты в основном находилось в руках иностранцев, к которым в первую очередь следует отнести гувернеров и домашних учителей, а также основателей и учителей частных пансионов. Постепенно формировалась элита, воспринимающая западные ценности рационализма, индивидуализма, свободы и демократии в качестве высших ценностей государства и культуры, и в них она видела путь к развитию. Управляющая элита в своей значительной части была обращена к западному культурному коду, не уделяла сколько-нибудь существенного внимания сохранению позитивного отношения к традиционным ценностям. Передача образования низших слоев из ведения Русской православной церкви в ведение светских властей, формируемых из числа элиты, детерминировало актуализацию негативных моментов национального самосознания — например, нежелание защищать могущество империи, отстраненность представлений о своей судьбе от судьбы России в целом.

Стремление русского самосознания к быстрому разрешению любой ситуации обуславливает необходимость постоянного кропотливого мировоззренческого воздействия, разъяснения. При иных условиях некритичное восприятие инокультурных элементов, чрезмерная открытость национального самосознания могут сыграть злую шутку. Не отрицая роль внешних сил в разрушении Российской империи, необходимо отметить, что отсутствие продуманной образовательной национально-ориентированной политики, о которой говорил Д.И. Менделеев, сыграло не последнюю роль в трагедии 1917 года.

Несмотря на противоречивые оценки истории Российской империи, ее правителей, Россия воспринималась в качестве оплота православия, как заслон перед разрушительными силами, ведущими к гибели мира. При этом абсолютное зло в национальном самосознании воспринималось как нечто реальное, находящееся совсем близко.

Идеологические атаки начала XX в. на национальное самосознание привели к активизации негативных, антигосударственных сторон национального менталитета. Ряд исследователей видели путь национального развития в воплощении православных ценностей мысли и бытия, а в отступлении от них находили объяснение гибели великого Российского государства. В связи с этим будет обоснованным предположение о том, что причиной гибели Российской империи на идеологическом уровне стали отступление от ценностных ориентиров русского менталитета, поворот к новым ценностям.

Анализ истории первых пореволюционных лет, вплоть до свертывания НЭПа, приводит к мысли о многовекторности, неоднозначности ценностной системы, поочередной и даже, одновременной актуализации то ценностей, то антиценностей русской культуры. Достаточно вспомнить события деревенской жизни, первые съезды комсомола, Гражданскую войну, где каждая сторона сражалась за родину. Только после завершения братоубийственной войны и наступления внутренней стабильности можно говорить о завершении переходного и установлении советского периода отечественной истории.

Советский период российской истории представляется важнейшим этапом отечественной истории. В советской идеологии преобладали такие ценности, как коллективизм, нравственность, ответственность, приоритет интересов страны перед частными интересами. Моральный кодекс строителя коммунизма отражал духовные устремления русской культуры.

Важное место занимает ценность мессианского предназначения России, ее внутренней ответственности за мировые события и благополучие стран и народов. Полагаю, что именно благодаря поддержке этих ценностей, созданию советской системы формирования личности, прежде всего как гражданина, как члена кол-

лектива, Советский Союз смог достичь выдающихся результатов. Система официальных ценностей советского государства была близка к ценностной системе традиционной русской культуры. Ценность сильного государства подтверждалась в самостоятельной, взвешенной внешней политике, успешной борьбе за утраченные в годы революции территории, стремлении только к первенству во всех сферах жизни. Идея соборности воплощается в советском коллективизме, в собственной системе самоуправления на всех уровнях — от бригады и пионерского звена до города, района, а в некотором смысле и всей страны.

Мессианская идея русской ответственности России за человечество, ее ценность как защитницы слабых государств перед сильными находит поддержку в построении системы экономической взаимопомощи, в международном объединении социалистических государств, в помощи развивающимся странам. Свое воплощение получает и ценность твердого мудрого правителя, способного принимать и осуществлять решения. Возможно, укорененность идеи мудрого правителя в качестве ценностного ориентира русской личности на фоне длительного отсутствия для обывателя открытого врага привела к возможности использовать это свойство национального сознания не во благо, а во зло Российскому государству.

Однако в этой системе было уязвимое звено: коммунистическая идеология не может рассматриваться во всех отношениях в качестве замены православия. Причины этому видятся в смысловом содержании классического коммунистического учения, основоположником которого был К. Маркс. Это учение не соответствует высоким нравственно-духовным принципам русского православия. В советской истории было осуществлено идейное преобразование некоторых классических коммунистических постулатов в соответствии с принципами соборности и нравственности, но не доведено до своего логического завершения.

Ценностные ориентиры Советского Союза подвергались практически непрерывной атаке со стороны его противников и недоброжелателей. Прошлое, настоящее и будущее СССР рисовалось ими в черных красках. Советская Россия представлялась как тоталитарное государство, подавляющее любую инициативу своих

граждан, загоняющее их в жесткие рамки, практически создающие для них тоталитарные условия. Такая картина создавалась в научных кругах, средствах массовой информации, на политической арене. Следует, заботясь о справедливости, признать, что в советский период, как и в более ранние эпохи, существовало менее трепетное отношение к соблюдению всех демократических прав личности. Ситуации, в которых правом одного могли пренебречь ради обеспечения общественных государственных ценностей, не были исключительными. Вместе с тем, такая позиция отнюдь не свидетельствует об отсутствии прав личности, превращении ее в безмолвный винтик государственной машины. Это более обоснованная с точки зрения логики позиция, когда целое больше суммы его частей, а свойство совокупности передается каждому его члену. Говоря простыми словами, мировоззренческая установка советского человека формулировалась так: «если будут достигнуты цели советского государства, будут воплощены его высшие ценности, то будут достигнуты цели и ценности моего коллектива, группы, а также мои личные цели ценности». Противоположная формула: «достижение целей и ценностей каждого конкретного человека в их совокупности приведет к успеху государства». Можно согласиться с тем, что ценностная установка советского периода более разумна и реалистична.

Другое обвинение, которое предъявляют к советской истории, — это обвинение в невнимательности к бытовой стороне жизни, ее аскетизме. Материальную неустроенность советской жизни рассматривали в качестве непреложного доказательства ущербности советского жизненного устройства. Эта точка зрения сегодня получила широкое распространение у большинства молодежи, не обращающейся за информацией к своим родным, очевидцам советского времени. Складывается мнение, что советские люди ходили зимой и летом в одной фуфайке и валенках на босу ногу, а на завтрак, обед и ужин ели лебеду. Предстоит немало поработать в сфере воспитания и образования для того, чтобы изменить такое мнение.

Отсутствие в Советском Союзе культа богатства, денег является продолжением ценностной ориентации русского самосознания. Но отсутствие непрерывной мировоззренческой работы, разъяс-

няющей сущность материального ограничения, явилось одним из стимулов активизации негативной разрушающей стороны национального самосознания.

Окончание советского периода стало ярким примером ломки национальных ценностей. Происходило массовое внедрение в национальное сознание представления об устаревании ценностей большого сильного государства, его духовных приоритетов, коллективного начала. Доказывался анахронизм представления о России как о государстве, обладающем ответственностью на мировой арене, заботящемся о малых государствах, как «старший брат». В национальном сознании формировался негативный образ исторического прошлого, настоящего и будущего Советского Союза. Ожидалось появление на его месте нового государства, являющегося равным среди прочих демократических государств. Ценности демократии определялись как единственно настоящие, национальные ценности соборности, коллективности. Невнимательность к материальной стороне представлялась как вредные идеологические установки, препятствующие воплощению и реализации общечеловеческих ценностей.

Разрушение Советского Союза и последующая духовная пустота, аморфная безыдейность вновь созданных государственных образований стали иллюстрацией к исторической трагедии русской нации. В течение непродолжительного времени на официальном уровне возобладала позиция, в соответствии с которой наличие национальной идеологии в современном обществе невозможно.

Ярким образцом национально-уничжительной точки зрения могут служить слова министра иностранных дел постсоветской России, которые он произнес в беседе с экс-президентом США Р. Никсоном: «Теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам благодарен»⁴⁴. Эти слова являются показателем глубокого кризиса ценностной системы, свидетельствуют о необходимости восстановления национальных ценностей как основы будущего существования и развития России и русской нации.

⁴⁴ Россия глазами правящих элит и общественности стран Запада. (Сборник статей). Отв. ред. Н.В. Загладин. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 8.

Размышления о возможном будущем России

Современная российская история представляется средоточием противоречий. До настоящего времени не удастся полностью оправиться от потерь конца XX в., когда страна столкнулась с потерей населения, территории и даже престижа на международной арене. Позитивные изменения в сфере экономики или политики зачастую воспринимаются как временные, происходит дезориентация нации в историко-культурном пространстве. Несколько десятилетий постсоветской истории стали периодом ценностного безвременья, периодом, когда история не творилась ради высокой идеи, а фиксировалась подобно записям в бухгалтерской книге. Российские граждане вплоть до 2000 г., а в отдельных случаях и позже, подвергались открытой идеологической атаке, целью которой было доказать никчемность русской культуры, ее неписываемость в систему мировых ценностей. Только после 2008 г. начало всерьез просыпаться национальное чувство русских людей. Разработка национальной идеи стала одним из факторов, детерминирующим изменение отношения общества к стране, государству, его будущему, которое большинство связывало со своим личным будущим и будущим своей семьи.

Настоящим положением в России полностью довольны, наверное, только отдельные личности, малочисленность которых позволяет игнорировать их точку зрения. Среди большинства российского общества формируются следующие представления о желаемом развитии событий, которые было бы интересно проанализировать с ценностной точки зрения.

Первая тенденция, которая формирует представления об оптимальном пути развития нации и государства, основывается на западных ценностях демократии, приоритета прав индивидуума, частной собственности. Будущее сторонники этой позиции связывают с очищением национальной жизни от всего национального, принятием западного образа мысли как единственно возможного образца и четким беспрекословным следованием зарубежным советникам. Несмотря на уже более чем десятилетний срок безуспешных попыток построить в Российской Федерации государство западно-демократического типа, гражданское обще-

ство и классическую рыночную экономику, в России находятся весьма уважаемые люди, которые утверждают, что будущее России возможно, только как второй Европы, как страны регионального значения. Коротко их теорию можно изложить словами В.А. Аксенова, призывавшего посмотреть на Запад, а все иное называл русским бредом.

Прогноз будущего России для данной концепции довольно прост: или Россия перестанет отступать от классических демократических формул, так доходчиво доведенных до элиты на страницах литературы и через уста советников, и займет отведенное ей место на мировой арене в рамках мирового разделения труда, или ее ждет неминуемая гибель. Русская нация, как правило, объектом исследования у сторонников данной точки зрения не является; в дискуссии они стремятся исключить из числа значимых проблему развития русской культуры и русской культурной личности.

Ярким показателем отношения к национальным ценностям может служить выход в свет учебник русского языка, составленный представителями демократической интеллигенции. Не исключают представители радикального крыла и простое исключение русской нации с мировой арены, так как не видят в ней каких-либо положительных качеств. В. Новодворская, например, открыто говорит о России и русских откровенную гнусность, называя Россию «исторической кляксой», а русский народ — «взбесившимися дебилами»⁴⁵. А основной банкир радикальной оппозиции Б. Березовский приходит к выводу о том, что 90% населения России просто не в состоянии осознать ценности демократии; необходимо переломить волю косного и неразумного большинства.

Торжество ценностей, которые принято называть демократическими, передающих все полномочия государства формально обществу, а на деле — крупному капиталу, отдающих приоритет частнособственническим инстинктам и отрицающих общие ценности, если они не приводят к конкретной выгоде, рассматриваются в качестве желаемого варианта даже в том случае, когда предполагается разрушение России, подобно разрушению Советского Союза.

⁴⁵ Русская нация и государство. М.: Изд-во «Граница», 2002. С. 238-239.

Не следует игнорировать также наличие «антирусского проекта», о существовании которого свидетельствовал А. Зиновьев. На первом этапе предполагается низведение России до уровня третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельность государств. На втором этапе нация должна быть поставлена на путь биологической деградации и вымирания. На третьем этапе территория России должна быть разделена, и другие государства смогут удовлетворить свой территориальный соблазн⁴⁶.

Казалось бы, на фоне осмысления недостатков демократии и отказа от бездумного следования принятым формулам в Европе, на фоне событий последних лет, показавших неспособность имеющейся системы предотвратить кризисные явления и выйти из них с минимальными потерями, подобное развитие России имеет не очень большую вероятность. Но, к сожалению, необходимо признать, что параллельно в российском обществе идут процессы, которые повышают вероятность развития событий по самому радикальному пути — с разрушением страны, уничтожением ценностной системы и, возможно, гибелью русской культуры. Основания для такого пессимистического вывода можно найти в деформации российской системы образования, в излишнем внимании к изучению иностранных языков и культуры, во внушении гражданам России, особенно молодому поколению, мнения о приоритете западно-демократического образа жизни, об отсутствии самобытных национальных ценностей. Пришедшие во власть молодые люди, получившие образование в зарубежных вузах или по западным образцам, не видят ценности в сохранении оригинальной цивилизации России и самобытной русской культуры.

Вторая тенденция связывает приоритеты развития России с принятием восточного культурного кода. В качестве допустимого варианта событий рассматривается возможная китайская экспансия на российскую территорию, а также распространение ислама

⁴⁶ Геополитика, государственная безопасность, международные отношения. Сборник трудов Четвёртой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток - проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.2010. С.-П. Россия / Под ред. А.П. Кудинова. СПб: Изд-во Политех. университета, 2010 С. 230.

на всей территории бывшего Русского государства. Именно как о бывшем, о Российском государстве следует упоминать потому, что представители данной точки зрения не заинтересованы в обеспечении жизни и существовании единого Российского государства с российской культурой. Данная концепция, к сожалению, не является только фантазией своих апологетов. Практически повсеместно можно наблюдать пока еще мирную, а иногда и не очень, экспансию восточной культуры. На фоне внушаемого невнимания к самобытным ценностям, многократно повторяющимся средствами массовой информации представлением о русских как о нации второго сорта, шансы для перехода под исламский или восточный протекторат отдельных богатых частей России не являются невозможными. Для европейской части, где большинство проживающих — русские, вторая концепция будущего России, как и первая, не готовит ничего положительного.

Третья точка зрения выглядит довольно привлекательно, но представляется утопичной, так как предполагает развитие России как отдельной цивилизации замкнутого типа, находящейся вне рамок общечеловеческих отношений. Но ценностная система русского менталитета направлена на открытость, на общение с другими культурами. Масштабы страны являются дополнительным фактором, затрудняющим проведение политики изоляции.

Четвертый вариант будущего Российского государства и русской нации основывается на результатах восстановления и самовосстановления национальной системы ценностей, т. е. на актуализации в национальном самосознании тех позитивных черт, позитивных идей и представлений, которые позволили русским создать одну из величайших мировых культур, обусловили возрождение России в преображенном виде из послереволюционного пепла 1917 г., обеспечили вновь единство страны и ее мощь. Главным фактором осуществления данного варианта должно стать воспитание всех слоев населения. Школа, техникум, вуз должны видеть свою основную цель не в передаче обучающимся некоторой суммы знаний или привитии им определенных компетенций, а в формировании у них национально-ориентированного мировоззрения, в основе которого лежат ценности национальной культуры. Должна быть сформирована общероссийская идеология,

указана идея, которая будет основана на национальных ценностях и позволит объединить русское общество на ее основе, сделать в качестве основополагающего стимула тезис о том, что «если в моей стране что-то нехорошо, я должен сделать так, чтобы было иначе».

В этой связи хочется особо обратить внимание на шеститомный труд «Национальная идея России», где был определен основной девиз настоящего и будущего России: «Моя страна должна быть и должна быть всегда». Хотелось бы добавить: не просто быть, а быть как великая держава, самостоятельная в своих ценностях и поступках.

Мировоззренческие изменения в национальном самосознании обусловят перемены во всех областях государственно-общественной жизни. Необходимо освободиться от гнета псевдодемократических матриц, перестать стараться найти выход из сложившегося положения, оставаясь в рамках тезисов типа — «рынок лучше государственного регулирования», «всем должен управлять эффективный собственник», «власть должна быть избираема», «принцип ротации кадров необходим», «разумный эгоизм — это благо», «интересы и права одного важнее, чем права и интересы коллектива».

Представляется необходимым прислушаться к следующим рассуждениям о Российском государстве, его политико-правовой и экономической системах, которые при соответствующей духовно-мировоззренческой системе обеспечат будущее России как особой цивилизации.

В России государство должно быть национальным, русским, должно быть основано на вековых нравственных традициях национальной культуры, быть чуждым ксенофобии и пресмыканиям перед всем иностранным. «Лишь компетентное национальное лидерство, патриотическое государство, исходящее из корней и устоев русской цивилизации, обеспечит возрождение могущества и рациональное обновление России»⁴⁷. Сегодняшняя форма Российского государства не отвечает интересам русской нации, потому что не содержит признака русскости. В Российской Федерации

⁴⁷ Русская нация и государство. М.: Изд-во «Граница», 2002. С. 49.

нет государственного образа русского народа, тогда как он имеется у всех, сколько-нибудь крупных народов, населяющих Россию. При этом только в четырех автономиях из двадцати титульная нация составляет большинство. Русские же — самый большой этнос, не имеющий никакого государственного статуса. Однако обсуждение проекта закона о русском народе в 2001 г. окончились безрезультатно.

Русское национальное государство видится следующим образом. Это должна быть республика, но с сильным политически и морально главой — возможно, президентом. Сильная власть в России необходима. М. Меньшиков указывал на то, что «быть или не быть сильной власти — это то же самое, что быть или не быть России». Но сила власти не означает всевластия, деспотизма, своеволия. Сила правительства определяется способностью достигать своих целей. Власть над народом, по мнению М. Меньшикова, не есть право собственности, не *jus utendi et abutendi* (право пользования и использования), а обязанность служения в пределах пользы народной. Первый и неотложный долг власти, желающей быть сильной, по мнению М. Меньшикова, это организовать на своем собственном посту⁴⁸.

Избранный в 2000 г. Президентом РФ В. Путин не случайно уже в первом своем послании Федеральному Собранию сформулировал в качестве стратегической цели задачу возрождения государственности: «Наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово “сильное”, скажем — эффективное) государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины»⁴⁹.

Стратегической целью государства должно быть служение интересам русской нации, а не отдельным ее представителям. Основными принципами государственного устройства должны стать единоеначалие, т. е. способность президента принимать решения и отвечать за их последствия, соборная демократия и компетенция

⁴⁸ http://www.lindex.lenin.ru/Lindex3/Text/menshikov/1907.htm#_Точ458431903

⁴⁹ Путин В.В. Какую Россию мы строим // Собрание посланий Президента РФ Федеральному Собранию. 1994-2005 гг. Новосибирск, 2006. С. 308.

общественных групп, которые непосредственно влияют на самоуправление, т. е. развитие политической образованности правящего слоя. Цель Русского государства — миродержавие России, стяжание чести и славы русской нации⁵⁰. Важным моментом является рациональный консерватизм: власть должна четко отслеживать изменения в социальной жизни, юридически оформлять их, способствовать развитию позитивных и препятствовать появлению негативных тенденций, но не навязывать их сверху, ломая и перекраивая общество.

На конституционном уровне необходимо закрепить высшие ценности и цели государства. Цели существования и развития России, согласованные с основными ценностями русской культуры, могут быть сформулированы следующим образом:

- обеспечение единства, неделимости, территориальной целостности и суверенитета России;
- обеспечение гармонии в международных отношениях, учета интересов всех государств, наций и народностей. Создание многополярного мира;
- создание условий для сохранения и творческого развития культурного и цивилизационного потенциала народа России и Русского мира;
- сохранение и развитие русской (российской) культурной идентичности;
- обеспечение гармонии интересов личности, группы, народа, государства, мирового сообщества.

Основными принципами развития российской государственности являются «государственность», «державность», «народовластие», «соборность». Следует отказаться от формализма в вопросе формирования органов власти всех уровней. Отстранение и смена чиновников, в том числе высшего ранга, должны зависеть от достигнутых и ожидаемых результатов их деятельности, а не от формального временного периода. Нецелесообразным будет повторение требования по ограничению пребывания у власти одного лица. Возможная достигаемая цель — снижение коррупционной составляющей — несоизмерима по сравнению с вероят-

⁵⁰ Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза-Пресс, 2008. С. 274.

ностью социальных и политических потрясений, возможностью замедления развития и ломки идеологии.

Принудительная ротация кадров никогда не гарантировала повышение их качества, скорее напротив, она провоцирует чиновника любого уровня к решению прежде всего личностных и групповых вопросов.

Необходимо чтобы во главе правительства, министерств стояли люди большого ума и большой воли, которые осознают обязанность служения государству. России сегодня нужен новый правящий слой — русский, народный, национальный и образованный политически.

Русский менталитет создает не имеющую аналогов возможность сотрудничества государства и гражданского общества, формирования не системы противоречий, а системы дополнения и гармонии, что позволит сформировать принципиально новую структуру построения общества. Государство и гражданское общество в России сохраняют способность к неформальному диалогу, что способно быть основой для взаимного процветания. Сегодня российскому обществу требуются умеренность и гармоничность политико-правового развития, сбалансированных общественных и индивидуальных интересов.

Полагаю, что также имеет право на существование и действенное обсуждение провозглашенный авторами «Русской доктрины» тезис о правомочности восстановления России в границах СССР 1991 года⁵¹. Такое развитие событий соответствует открытому характеру русской культуры, проверенной способностью Российского государства сохранять и оберегать национальные культуры.

Россия в силу своей ценностной системы может состояться только как великая держава. Однако восстановить этот статус, потерянный в первые постсоветские годы, является сложной задачей. Россия обязана добиться его вновь, преодолевая сопротивление тех государств, которые заинтересованы в ее прозябании на задворках внешней политики. Всякая попытка восстановить свое влияние в мире вызывает подчас бурную негативную реакцию.

⁵¹ Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза-Пресс, 2008. С. 742-743.

Ярким показателем могут служить примеры конфликтов по поводу продажи и транспортировки российских энергоресурсов, в которых Западные страны, несмотря на объективные обстоятельства, занимали в лучшем случае отстраненную позицию, а некоторые из политиков увидели в попытках отстоять собственные интересы агрессию против демократических государств.

Россия, являясь субъектом мировой политики, должна строить политику по своему собственному усмотрению и в своих интересах. Россия не должна угождать всему миру или подстраиваться под мировую ситуацию, она должна использовать все возможности для создания гармоничного порядка. Нельзя согласиться с теми представителями общественности, которые полагают, что России не следует высказываться по некоторым острым мировым проблемам, иначе мы «пугаем европейцев имперскими амбициями»⁵².

Активная внешняя политика России, деятельное участие в разрешении всех международных вопросов соответствует интересам нации, так как позволяет свободно развиваться и актуализироваться положительным чертам национального менталитета, впитывать лучшие черты иных культур, обогащая собственную культуру. Синтетический характер национального самосознания, вбирающий и творчески преломляющий элементы иных культур, сможет полностью раскрыться только в условиях развития творческих связей со всем разнообразием национальных культур.

Мы можем согласиться с выводами участников научной конференции о том, что «исторически России отведена роль атланта мирового цивилизационного равновесия между Западом и Востоком»⁵³.

Таким образом, принятие Россией на себя активной роли на международной арене будет скорее всего оценено позитивно и может

⁵² Россия, Запад и Восток: традиции, взаимодействия, новации. Сборник тезисов докладов и сообщений V Международной научно-практической конференции (г. Владимир, 22-24 октября 2009 г.). Владимир: ВГУ, 2009. С. 227.

⁵³ Геополитика, государственная безопасность, международные отношения. Сборник трудов Четвёртой международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток - проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии». 22-23.06.2010. С-П. Россия / Под ред. А.П. Кудинова. СПб: Изд-во Политех. университета, 2010. С. 15.

быть дискредитировано только непродуманными действиями и решениями конкретных лиц и государства. Внешнеполитическая миссия России состоит в провозглашении не двухполярного, а многополярного устройства мира, что значительно повысит устойчивость мировой политической системы, поскольку создаст многоуровневую систему сдержек и противовесов. Ключевая роль России в данном вопросе предопределяется высоким уровнем самокритичности, осознанием русской культурной личности несовершенства своего духовного и цивилизационного бытия.

Будущее развитие России предполагает и коренные изменения в сфере права и экономики, т. е. тех сфер жизни, которые обеспечивают существование страны. Правовая система Российского государства должна строиться на основе приоритета справедливости, нравственного начала. Необходимо чтобы право было инструментом нравственности, способствовало бы торжеству духовных и социальных ценностей. Вместе с тем, важно иметь в виду, что потенциально высокая духовность православия должна сочетаться с прагматическим подчинением закону. Необходимо создавать условия для гармоничного развития личности и общества на основе взаимосочетания права и нравственности. Не следует забывать о том, что русское общество не изолировано, оно находится в среде, которая не всегда является доброжелательной по отношению к нему. Нельзя забывать о том, что существуют силы, заинтересованные в актуализации негативных элементов российского правосознания и прежде всего правового нигилизма и его последствий.

Важнейшим аспектом развития русского правосознания должно стать просвещение на всех уровнях общества. Важно сформировать представление о ценности закона, писанного права. Надо признать, что для достижения этой цели необходимо разработать принципиально новый подход к принятию законов и подзаконных актов. Необходима экспертная оценка любой законодательной инициативы на предмет ее соответствия нравственности, национальному представлению о справедливости. В этом случае принятый закон станет нравственным императивом российского общества, его ценностью, а следовательно, исполнение его будет восприниматься как долг совести.

Справедливой следует признать необходимость ограждения национального самосознания от формализма, самодовлеющей юридической догматики, нравственной беспринципности права. Право в России должно быть взаимосвязано с моралью, т. е. выполнение норм закона должно быть нормой совести.

Перемены должны прийти и в сферу экономики, которую необходимо рассматривать как область человеческих взаимоотношений, зависящую от смысла национального «Я». Следует на методологическом уровне отказаться от принципа «рынок сам все урегулирует». Пора прекратить безуспешные попытки копировать чужие схемы организации и управления экономической деятельности. Перспективным является поиск совершенно иной по сравнению с существующей системы хозяйствования, принципиально новой связи рациональных и иррациональных элементов.

Успешность в экономическом развитии страны будет достигнута, а способность России занять подобающее ей ведущее место в мире будет реализована только при наличии мировоззренческой парадигмы, направленной на достижение данной цели. Необходимо вслед за Д.И. Менделеевым понять, что экономика не может быть абстрактной, она может быть только национальной, народной. Современное русское общество должно преодолеть негативные тенденции прошлых десятилетий, пройти внутреннее духовное возрождение, найти понимание русской культурной личности, сущности ее национального самосознания. Только в этом случае может возникнуть новая экономическая парадигма.

Необходимо учитывать, что рассуждения об экономическом успехе России не являются необоснованной фантазией автора. В то время, когда русская идеология не скрывалась, когда интересы нации были основной ценностью, русская экономика становилась одной из ведущих мировых экономик. Способность русской нации воплотить в жизнь великий замысел успешного хозяйствования, найти оптимальный способ управления признают даже конкуренты. Известный промышленник Хероси Теравама, отвечая на вопрос корреспондента одной из российских газет о том, как стало возможным японское экономическое чудо, сказал: «В 1939 году вы, русские, были умными, а мы японцы — дураками. В 1949-м вы стали еще умнее ... А в 1955 году ... вы превратились в пятилетних

детей. Вся наша экономическая система практически скопирована с вашей»⁵⁴.

Сегодня задача состоит в формировании российской экономической системы, основанной на следующих принципах:

- Цель экономической деятельности — достижение блага всего человечества, которое заключается в духовном совершенствовании и достойном материальном благополучии, умеренном стяжании материальных благ, не заслоняющем достижение высшего идеала.
- Достигнуть высшей цели невозможно, если забыть о личном благе самого предпринимателя, так как в этом случае возникнет противоречие между общим и частным, которое способно привести только к социальным потрясениям и прочим негативным явлениям.
- Потребление должно быть разумно достаточным. Ни восточная аскеза, ни западная роскошь не являются таковыми: первая разрушает личность человека, вторая — природу, а вместе они ставят под сомнение существование человечества в целом. Идеалом должен стать разумный достаток. При этом о равенстве потребления, «уравниловке» речи идти не может.
- Деньги, богатство являются не целью, а средством. Важно не только как было получено богатство, но и как оно было потрачено. Богатство — это ответственность, поэтому не заслуживает ни поклонения, ни отрицания.
- Материальное благополучие должно быть связано с производительным трудом. Необходимо поощрять промышленное развитие, внедрение инновационных технологий, развитие новых производств. Цивилизация должна быть трудовой, производительной.
- Основными чертами характера предпринимателя должны быть честность, порядочность, творчество, забота о клиентах и партнерах.

⁵⁴ Приз Н.В. Философия соборности. Русская национальная идея (мое мировоззрение). Майков – ОАО «Полиграф-Юг», 2008. С. 236.

- Собственность должна восприниматься как значимый институт, однако личность следует воспринимать выше собственности.
- Государство и бизнес следует признать социально ответственными за достойное существование наемных работников и социально незащищенных слоев.
- Экономический успех невозможен без соответствующего мировоззрения. Чистой экономики, вне идеологии, нет и быть не может. Важнейшей задачей общества является становление и развитие мировоззрения личности будущего предпринимателя, потребителя, государственного деятеля. Протестантская идеология, сыгравшая положительную роль на определенном этапе, способна привести человечество к экономическому и экологическому краху, а потому на ее смену должна прийти иная мировоззренческая парадигма.

Русская культура содержит предпосылки к развитию постиндустриального общества, а потому она должна не пытаться пройти западный либо восточный путь, а следовать своим собственным интересам, интересам русской нации.

Особое отношение должно быть к обрабатывающей промышленности, она должна приобрести приоритет по сравнению с добывающей; идеалом должна стать переработка всего отечественного сырья внутри страны.

Совокупность реальных действий по всем основным направлениям жизни Российского государства, восстановление статуса ценностей национальной культуры — основные условия сохранения и повышения его жизнеспособности. Первым шагом на этом пути должна стать активная разъяснительная работа национально ориентированной мыслящей части российского общества, направленная на формирование мировоззрения, в основе которого лежат ценности русской культуры.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (В.И. Якунин):

В докладе говорилось о национальном разуме и национальном рассудке. В чем разница? Что такое «национальный разум»? То ли это агрегированный, единый, виртуальный коллективный разум нации в этой стране, то ли это такая этнонациональная специфичность? И почему разум стал национальным?

Ответ:

Попробую представить свою точку зрения. Философия различает понятие разума и рассудка. Рассудок следует понимать как мышление образное, интуитивное, соединяющее содержательную часть мысли и оценку объекта и субъекта мышления. Нация как целостный организм, обладая национальным сознанием, которое не является только лишь совокупностью сознаний индивидов, а представляет собой общее соборное сознание, обладает как национальным рассудком, так и разумом. Обладая национальным рассудком, нация вырабатывает свои собственные пути рассуждения о конкретных вопросах, пути поиска решений в создающихся ситуациях. Бесконечно большое количество примеров показывает, что русский человек при схожих обстоятельствах будет руководствоваться совершенно иными соображениями, нежели представитель западной или восточной культуры. Разум предполагает логическое мышление, оперирование абстрактными категориями, отвлечение от оценочной составляющей. Сущность разума раскрывается в логических формулах построения умозаключений — как, например, в западной логике связь тезиса, антитезиса и синтеза. Национальный разум может либо разрабатывать свои логические формулы, либо присоединяться к известным, т. е. в отличие от рассудка может абстрагироваться от условий существования нации. К сожалению, малое знание древнейшей истории русской нации не позволяет с уверенностью говорить о наличии национальных логических формул. Известные источники позволяют говорить, что русская нация в этом смысле едина с западным миром, т. е. принимает логические формулы, идущие от Аристотеля. Это

подтверждается хотя бы построением научных умозаключений. В связи с этим категория «национальный рассудок», возможно, не очень удачный термин. Вместе с тем, не исключая, что развитие национального рассудка способно привести к раскрытию само-бытного национального разума.

Вопрос (Ю.А. Тихомиров):

У меня два вопроса. Первый: не видите ли Вы прямого противоречия в чертах русского народа, а именно: с одной стороны, он традиционно привержен сильному государству, сильному главе государства, а с другой стороны — столь же охотно привержен соборности и общинности. Сохранится ли это противоречие дальше? Ведь именно оно веками взрывает общество.

И вопрос второй: как Вы воспринимаете формулы классических юристов конца XIX в. — начала XX в. — «Государство есть союз людей на основе права»?

Ответ:

Очень интересные вопросы, они представляются важными для понимания ценностной истории и будущего России. Я согласна с Вами в том, что русский менталитет — противоречивый. Но вот соборность я бы не стала противопоставлять приверженности сильному государству. Соборность предполагает лидерство, сильную ответственную власть. Русскому человеку свойственно воспринимать высшую власть в качестве своего союзника, а не противника. Народные пословицы — такие как «Никто, как бог да государь», «Бог милостив, а царь жалостлив», «Нельзя быть земле русской без государя», «Не царь гнетет народ, а временщик» — свидетельствуют о том, что противоречие не следует искать между высшей властью и народом. Более сложным отношением характеризуется отношение народа и чиновничьей элиты. Народные пословицы сохранили образ чиновника, ради корысти нарушающего установленные правила и требования. Национальное самосознание, следовательно, формирует негативное отношение к произволу чиновников. Другое противоречие также лежит не в плоскости приверженности сильному государству или соборности, а в плоскости ценности — антиценности государства. Русскую нацию следует

признать нацией государствообразующей, чья судьба неразрывно связана с судьбой Российского государства. Сохранение и развитие государства является одной из основополагающих ценностей русской нации. С другой стороны, важнейшей ценностью русской культуры являются правда, справедливость, и если в представлении народа государство не обеспечивает справедливость, оно может быть сметено с лица земли. В конце XX в. в массовом сознании было создано именно представление об антиценности советского государства, о его принципиальной неспособности и нежелании обеспечить справедливость, что стало существенным фактором развала СССР.

Касательно Вашего второго вопроса, то я в большой степени с Вами соглашусь. Государство — это, конечно же, союз людей. По моему мнению, некорректно говорить о государстве как о некоем аппарате принуждения и насилия. А вот основывается ли этот союз именно на праве — определить более сложно. Если имеется в виду позитивное право, т. е. право, созданное людьми, определенными группами, то, наверное, русский менталитет будет противиться такому союзу как искусственно созданному. Но если под правом понимать естественное право и справедливость, не писанные законы, а правила совместного проживания, решения совместных вопросов ради общей пользы при условии возможного учета интересов каждого, то с этим, пожалуй, можно согласиться.

Вопрос (С.А. Кравченко):

Татьяна Александровна, Вы обещали нам, что заключительная часть Вашего выступления будет посвящена тому, какие метаморфозы с ценностями сейчас происходят. Я услышал о том, какие ценности были, какие ценности Вам нравятся, какие ценности должны быть... Может быть, Вы бы несколько слов скажете о том, какие ценности реально есть, в каких ценностях мы реально живем? И есть ли возможность перейти от того, что Вам нравится, к тому, что реально существует? И как перейти?

Далее. Как мне показалось, у Вас путаются два понятия — ментальность и национальное самосознание. Хотелось бы, чтобы Вы их как-то развели, либо сказали, что для Вас это одно и то же.

И еще вопрос. Как открытость, к которой мы перешли в начале 1990-х гг., собственно повлияла на ценности? Изменила ли ценности или не изменила? Как открытость повлияла на ментальность, на наше самосознание? С моей точки зрения, это те реалии, в которых мы сейчас оказались. Потому что одно дело, когда были ценности, которые формировались столетиями, тысячелетиями, когда существовала относительная закрытость России. Если бы такая закрытость сохранилась — сейчас было бы и православие, и все прочее. Но появилась открытость. Что-то с ней надо делать...

Ответ:

Скорее всего я неправа, но для меня национальное самосознание и национальный менталитет рассматриваются в едином ключе. Что касается остальных вопросов. Возможно, мое косноязычие ввело в заблуждение...

С.А. Кравченко:

Напрасно. Вы хорошо изложили.

Т.А. Чикаева:

Мне очень приятен Ваш комплимент. Но, к сожалению, не могу принять его на свой счет. Я, наверное, не смогу поставить все точки над «i» по вопросу произошедших метаморфоз с ценностями. Повторюсь, что, по моему мнению, ценности заложены именно в национальном менталитете. Особенности русского менталитета заключаются в том, что положительные и отрицательные ценности могут быть, либо не быть актуализированными, т. е. сознательно воспринимаемыми в качестве ценностей. Нельзя формировать у нации те ценности, которые в ней изначально никогда не были заложены. Современная ситуация с ценностями, на мой взгляд, усугубляется разобщенностью общества, наличием глубинных социальных противоречий. В качестве ценностей со страниц СМИ, из уст значимых людей предлагаются такие ценности, как предпринимательский успех, карьера, обеспеченность, индивидуальные права и свободы. Последствия принятия этого в качестве основополагающих ценностей русской нации не хотелось бы даже рассматривать, так как в конечном итоге необходимо будет при-

знать неизбежность коренной ломки или даже гибели самобытной русской культуры и русской нации. Если мы придем к окончательному торжеству тех ценностей, которые сейчас подспудно культивируются средствами массовой информации, мы сможем поставить на России большую жирную точку. Если же говорить о том, что делать для того, чтобы ценности русской культуры, которые сейчас представляются предметом дискуссии идеалистов, стали ведущими факторами мотивации для каждого русского человека, чтобы интересы государства и общества превалировали бы над личными желаниями, то это большая многолетняя кропотливая работа. Прежде всего необходимо разъяснить широким общественным кругам то, что в реальности происходит, какой обман представляют собой так называемые «демократические ценности». Начиная с 90-х гг. прошлого века нам усиленно «продавали» демократические права и свободы, реальную возможность управлять собственной страной и доказывали преимущество небольшого эффективного государства, передавшего большинство своих функций бизнесу или некоммерческим организациям. Во что это обернулось в реальности — мы знаем. Открытость России, возникшая после разрушения СССР, стимулировала актуализацию негативных ценностей менталитета. Только сейчас начинает происходить осознание того, что не все так, как представлялось, причем это осознание приходит не только к российскому обществу, но и к соседям России. Начинают, пусть медленно и противоречиво, восстанавливаться центростремительные движения бывших союзных республик, крепнет осознание необходимости активной роли России в интегративном цивилизационном процессе. Поэтому открытость, с точки зрения ценностных построений, является двояким фактором, здесь есть серьезные «за» и «против».

Вопрос (Н.В. Асонов):

Большое спасибо Вам, Татьяна Александровна, за выступление. Всегда приятно, когда твои мысли находят подтверждение среди твоих коллег. Мне было очень лестно Вас слушать, тем более что Ваша точка зрения во многом совпадает с моей. Если бы я был лидером какой-нибудь партии, я бы поставил вас заместителем. Но у меня нет такой партии, и я не собираюсь ее создавать...

Итак, первый вопрос. Вы говорили о том, что у Вас было всего два с половиной дня на подготовку доклада. Тогда почему все это время Вы посвятили анализу одной только историографии, проявив полное равнодушие к источниковедению? Вы неоднократно ссылаетесь на «Повесть временных лет», но ни одной сноски на этот ключевой документ у Вас почему-то нет...

И второй вопрос. Вы упоминаете о том, что в исторических источниках есть подтверждение Вашей точки зрения, но при этом их тоже не указываете.

Ну, и последнее. В области историографии, которую я тщательно проработал, когда изучал текст Вашего доклада, приведена интересная подборка фамилий. В ней представители самых разных направлений общественной мысли оказались, что называется, «в одном флаконе». Скажем, у Вас Чаадаев почему-то оказался вместе с Константином Леонтьевым, что весьма удивительно. Я понимаю: за два с половиной дня нельзя поднять весь объем материала по этой теме. Но мне непонятно, почему в отведенное Вам время Вы решили использовать труды именно этих авторов и проигнорировали сочинения других, не менее известных мыслителей?

Ответ:

Большое спасибо, Николай Васильевич. Полностью принимаю Ваши замечания и обязуюсь, при наличии возможности, в своей будущей монографии преодолеть данные недостатки. У меня была задумка проанализировать тексты источников с целью объективного определения ценностной основы Русского государства в различные периоды его существования. К сожалению, это не удалось. Доклад ограничивается указанием на наиболее общие методологические предпосылки данной темы. Сужение объекта позволило бы рассмотреть их более глубоко, но, на мой взгляд, наиболее важным является обозначение всех категорий, которые связаны с данной тематикой, что позволит определить границы познавательного поиска.

Относительно Вашего замечания о том, что в докладе рядом упоминаются П.Я. Чаадаев и К.Н. Леонтьев, которые занимали явно различные позиции, могу сказать только то, что они упомянуты в качестве мыслителей, которые подходили к рассмотре-

нию вопросов бытия России, ее прошлого, настоящего и будущего именно с ценностной позиции, а потому имеют право быть упомянутыми таким образом. Упоминание мыслителей, принадлежащих к различным научным направлениям, показывает многогранность и сложность рассматриваемой проблемы, подтверждает антиномичность национального сознания и многоликость русской культуры.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Первый вопрос. Вы перечисляете ценности России. Среди них — доброта, духовность, ценность Родины, правда... Назовите мне хоть один народ, у которого это не было бы ценностью?

Второй вопрос. Жанр выступления — научный доклад. Вы использовали такие категории, как национальный архетип и национальный разум. По какой методике выявлялось содержание национального архетипа и национального разума?

И третий вопрос. Был номинирован перечень русских ценностей. А если русский народ меняет свои ценности, останется ли он русским народом? И какой временной период должен быть для такой инверсии превращения в другой народ?

Ответ:

С Вашего позволения начну с третьего вопроса. Национальные ценности исходят из национального архетипа, который не создается, а формируется в процессе исторического развития как нечто объективное. В этой связи невозможно менять ценности и культуру; коренные изменения означают ее гибель, равно как и гибель нации. Такое понятие, как «правда» существует, если я не ошибаюсь, исключительно в России. У других народов существуют понятия истины, справедливости, но не правды. Понятие правды, соединяя истину и справедливость, преодолевает разобщенность рационального и эмоционального, единичного и общего. Рассмотрение духовности, доброты как общенациональных, общегосударственных, а не индивидуальных ценностей, также свойственно, если судить по известным мне источникам, именно русской культуре, русской нации. Особенность русской культуры заключается именно в ее соборности, в понимании русской на-

ции как соборной личности, которой свойственны определенные качества. Русская личность является частью соборной личности. Напротив, в западной системе ценности носят индивидуально-личностный характер.

Вопрос методики определения национального менталитета достаточно обширен и сложен. Полагаю, что его решение лежит в плоскости изучения исторических источников, трудов отечественных и зарубежных мыслителей по данной проблеме и результатов различных опросов.

Вопрос (С.И. Реснянский):

А.С. Панарин одну из своих книг назвал «Народ без элиты». А между тем, по выражению Н.А. Бердяева, жизненно необходимо для любого народа и, естественно, для России, существование духовной аристократии. Ее исчезновение означало бы, как он говорил, исчезновение качества. Как Вы считаете, русская национальная элита, как ценность, в современной России есть? Можете это прокомментировать?

Второй вопрос. Как Вы понимаете такие слова Константина Леонтьева, исходя опять же из пафоса Вашего выступления, о том, что нужно проживать историю не прагматически, а духовно и эстетически, чураясь книжной мудрости, т. е. культуры, независимой от православной веры?

И третий вопрос. Я совершенно согласен с Вами в том, что протестантизм завел Запад в тупик — экологический и иной другой. В самом конце своего выступления Вы сказали, что на смену ему должна придти иная мировоззренческая парадигма. Какая? Православие или что-то иное? Поясните пожалуйста.

Ответ:

Я никогда не отрицала того, что элита должна быть. Невозможно абсолютное равенство в мировоззрении, в суждениях, в значимости любого члена общества. Невозможно решение вопросов одновременно 150 миллионами граждан страны. Элита должна быть, но основным ее качеством должна стать национальная ориентированность. Следует различать элиту как лучших представителей нации, которые могут и хотят встать во главе национально-

государственного развития, и назначенных чиновников либо иных лиц, которые сами назвали себя элитой вследствие своих должностей и постов. На мой взгляд, сейчас в России нет объединенной, национально-ориентированной элиты, она только формируется, и этот процесс займет не год, не два и возможно даже не десять лет.

Приводимые Вами слова К.Н. Леонтьева мне представляются актуальными, в них заключена возможность образного познания истории, определения историко-культурных ценностей. Не прагматический, а духовный, эстетический подход к истории позволит явственно увидеть ее ценностное зерно, осознать мировое значение русской культуры и русского, Российского государства.

Отвечая на вопрос о новом мировоззрении, я хотела бы отметить, что оно должно основываться прежде всего на принципах, контрадикторных протестантизму. Протестантская идеология строится на приоритете единичного, личностного. Выстраивается логическая цепочка: счастливые люди, достигшие своих целей, создадут счастливое, процветающее общество. Но это невозможно, ресурсы ограничены, а следовательно, достижение целей и удовлетворение интересов всех индивидуумов невысказано. Необходимо принципиально новая идеология, в которой приоритет будет относиться к целому, к обществу. Но не к некоему абстрактному мировому сообществу, человечеству в целом, а к национальному обществу и государству, что позволит сохранить самобытную культуру.

Вопрос (Д.А. Лебедев):

До революции 1917 г. в России 85% населения воспитывалось в общинах. Хорошо известно, что личность формируется до пяти лет. То есть как бы врожденные качества нации, архетип нации и т. д. — это до пяти лет. Сейчас в России общин практически нет. Но мы уповаем на какие-то качества народа, они не могут не исчезнуть. Мой вопрос связан с исчезновением общин. Как Вы к этому относитесь?

С.С. Сулакшин:

Кроме общин есть еще и микрообщина — семья. Качества, о которых Вы говорите, они ведь там тоже культивируются... Если можно, прокомментируйте, пожалуйста.

Д.А. Лебедев:

Я потом прокомментирую...

Второй вопрос. У Александра Дугина есть замечательная книга — «Логос и мифос». В ней очень капитально, на основании работ Дюрана и собственных работ Дугина, анализируется бессознательное Запада и бессознательное русско-российской цивилизации. Там выявлено как бы главное противоречие русско-российской цивилизации как таковой. Знакомы ли Вы с этой работой, и как бы Вы прокомментировали это направление?

Ответ:

Мне кажется, общинная жизнь является важным компонентом развития русской нации. Конечно, сейчас мы вряд ли сможем привести примеры общины как таковой, но здесь я соглашусь со Степаном Степановичем: семья — особенно та, что включает несколько поколений — это тоже микрообщина. В ней формируется личность, которая воспринимает национальный образ мысли, национальные ценности, усваиваются основополагающие жизненные принципы. Существование традиционной семьи, связывающей хотя бы три поколения, позволяет сохранить русскую культуру. Совершенно не случайно либералы активно внедряют ювенальную юстицию. Поставлена задача разрушить семью, изъять ребенка из нормальной среды, лишить его воспитания и тем самым исказить национальный архетип. Ваш вопрос можно продолжить: если у нас 85% воспитывалось в общине, с чем же связана революция? Известен простой закон: в любой организации 80% работы выполняют 20% сотрудников. Его можно экстраполировать на государство, те 15%, которые не усвоили в качестве своих внутренних ценности общины, но обладают политическим, административным и экономическим потенциалом, при пассивности большинства способны сформировать разрушительную антигосударственную силу.

В отношении работ Александра Дугина могу сказать только то, что я, конечно, с ними знакома, они представляются мне актуальными и содержащими аргументированные суждения о России и русской нации. Однако в настоящее время моего знания о них недостаточно, и я намереваюсь в ближайшее время восполнить данный пробел.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Доклад Татьяны Александровны просто согрел мне душу. Я воспринял его очень положительно — с точки зрения моего национального рассудка. Но вот с точки зрения моего разума у меня возникло несколько вопросов.

Первый вопрос. Покорность Вы считаете присущим признаком — положительным или отрицательным? Разовью: покорность одновременно предполагает верность присяге, верность командиру, верность клятве. Часто покорность связывают с рабством. Мне не раз приходилось слышать утверждение, что русские — в душе рабы. Каково Ваше отношение к этому? Я считаю, что рабство вовсе не должно быть отрицательным признаком.

Прочитую Алексея Константиновича Толстого — «Василий Шибанов». Он был верен своему князю Курбскому, хотя тот изменил родине. Он был верен России, и последние слова его были: «О, князь, я молю, да простит тебе Бог измену твою пред отчиной. За Грозного, Боже, царя я молюсь, за нашу святую, великую Русь». А Грозный ведь его пытал и убил. Вот пример рабства, а красиво.

Итак, вопрос: как — положительно или отрицательно — оценивать рабство? Как это в Вашей системе?

Второе — конец Российской империи. У Российской империи было два конца. Первый — в 1917 г., Вы его назвали. Но у меня такое впечатление, что буквально все, что Вы говорили про 1917 г., можно отнести к 1991 г., когда фактически рухнула страна, рухнула империя.

И связанный с этим вопрос — о свободе личности. Вы сказали, что для России характерна свобода внутренняя. А какая еще свобода бывает? Свобода внешняя, свобода мысли... Для того чтобы была свобода мысли, нужно чтобы мысли были, а они не у всех есть. Так вот: каких мыслей свобода должна быть, а каких не должна?

С.С. Сулакшин:

Дмитрий Сергеевич, маленькое замечание: рабство обычно воспринимается в экономическом содержании, в отношении рабовладельца и раба. Вы, мне кажется, расширяете смысловое поле, употребляя термин «рабство».

Д.С. Чернавский:

Все правильно, но у Алексея Толстого это понятие четко было уточнено: Василий Шибанов — раб. Раб князя Курбского и одновременно раб Ивана Грозного. Я смотрю на эти термины несколько иначе. Во-первых, на мой взгляд, покорность и верность — категории не одного порядка. Верность предполагает внутреннюю убежденность в чем-то. Верность предполагает личное решение, сознательное решение, понимание цели, ценности этого решения. Понятие «верность» возможно как раз только у внутренне свободной в своих мыслях, в своих решениях личности. Покорность я воспринимаю, так же как и многие мыслители, как деятельность вопреки своим убеждениям, когда субъект делает то, что велит начальник, но не собственная совесть.

Относительно понятия «рабства» — здесь необходимо рассмотреть все возможные варианты. Я не исключаю, что и Алексей Константинович Толстой, будучи в чем-то продуктом своей эпохи, использовал термин «раб», не вдаваясь в подробности социальных отношений России того периода. Уже здесь видно противоречие: с одной стороны, он раб своего князя, а с другой — он же видит себя подданным русского царя, он осуждает князя. Это состояние русской личности, когда телом — одни, а духом — другие, берет начало еще со времен монголов. Мне кажется, что покорность нельзя воспринимать как непременно положительную черту. Но в определенных условиях, когда страна стоит перед важным выбором, который требует отказа человека от части своих прав ради интересов общества, смирение с такой потерей играет положительную роль. Вспомним Великую Отечественную войну, когда советский народ смог смириться с тяжелыми бытовыми условиями, не предал национальные интересы ради куска хлеба. 1917 г. и 1991 г. и схожи и одновременно различны. Тот и другой — это годы разрушения и гибели государства.

Но есть и принципиальная разница: если в 1917 г. антироссийская элита была готова, и после разрушения произошло осознание глубины трагедии даже со стороны творцов революции, то осознание ужаса 1991 г. только начинает приходить на уровне и элиты, и народа.

Вопрос (Ю.А. Сафонова):

У меня три вопроса, если можно. Первый мой вопрос, в принципе, уже был задан — по поводу методологии выявления ценностей. Но поскольку ответ я не вполне услышала, то хотела бы задать уточняющий вопрос.

Видите ли Вы разницу между методом научного анализа и обзором литературы? Это первый вопрос.

Второй вопрос. В докладе Вы говорите как о ценностях российской цивилизации, так и о ее антиценностях. Каков для Вас критерий определения: что является для России ценностью, а что антиценностью?

И третий вопрос. Насколько я поняла, Вы представляете, что существует некая динамика в пространстве ценностей. Означает ли это, что у ценностей есть какой-то срок жизни, им отмеренный? То есть они рождаются, а потом умирают под воздействием каких-то внешних факторов. И соответственно, если это так, то к каким ценностям России сегодня следует возвращаться — ценностям Киевской Руси, Российской империи или Советского Союза?

А.Н. Абалаков:

Разрешите я добавлю. Дело в том, что ценности, которые Вы перечислили, Вы делаете их абсолютными. А между тем существует интересный факт жизни. Я зачитаю небольшую цитату из книги. Написано: «Безусловно, Российская Федерация заинтересована в расширении трактовки понятия "соотечественники", подразумевающее включение в это понятие не только граждан Российской Федерации, граждан бывшей СССР и РСФСР, но и подданных Российской империи». Из этого выходит, что мы эти ценности исповедуем, Вы их делаете абсолютными, а жизнь становится все хуже и хуже... То есть была Российская империя, потом СССР, сейчас — РФ, а ценности, в Вашем понимании, абсолютны и не меняются. Не является ли следование этим ценностям устойчивым порождением некой братской могилы?

Ответ:

Отвечу коротко и по порядку. Во-первых, разницу между анализом и обзором литературы я вижу; считаю, что она должна быть,

и соглашусь с тем, что качество представленного доклада оставляет желать лучшего.

Второе. Ценности или антиценности. Ценность — это то, что сохраняет, способствует сохранению культуры, прежде всего, культурной личности, определенного образа мышления. Я не соглашусь с тем, что сегодня нет мыслящих людей. Мысли есть. Другое дело — нет системности в этих мыслях. А антиценности — это то, что ломает архетип; то, что приводит к разрушению. В русском национальном самосознании, в русской культуре заложен потенциал ее развития. Мы видели в истории примеры, когда наблюдалась не сужающая тенденция, а наоборот — происходило расширение: Киевская Русь, Московское царство, Российская империя. Интересно было бы проникнуть в более глубокие исторические слои для понимания сути тенденций. История доказывает, что ценности по своей сущности неизменны, их следует рассматривать как абсолютные категории. Но их воплощение может быть различным. Так, ценность сильного государства была воплощена и в Киевской Руси Ярослава Мудрого, и в Московском царстве Ивана IV, и в Российской империи Александра III, и в Советском Союзе — победителе фашизма. Различны конкретные мотивации в ценностном поле. Таким образом, можно сделать вывод, что национальные ценности заложены в национальном менталитете, они объективно обусловлены критериями существования и развития нации. Но их воплощение может быть различным, а ломка мировоззренческих установок может привести к гибели ценностей. Не случайно сейчас наблюдается массированная атака на массовое сознание, на сознание личности, идет разрушение традиционных институтов, которые формируют национальный менталитет. Ценность должна воплощаться непременно как внутренняя, необходима убежденность в ее значимости. Насаждение ценностей невозможно. Нельзя объявить по телевизору: «Для вас ценно то или другое». Пока это не будет внутренним убеждением, подкрепленным мыслью, своим собственным размышлением, до тех пор у нас будет постоянно существовать вероятность актуализации негативных черт национального самосознания, будет сохраняться тенденция к разрушению государства.

Вопрос (А.Н. Абалаков):

Вы привели девиз: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда». И далее сказали, что Россия должна быть великой державой. Так вот, мне кажется, что эта идея касается именно конкретной страны. Не какой-то абстрактной страны, а конкретной, сегодняшней России. Не кажется ли Вам, что говорить «плюс великая держава» — избыточно? Россия и так, если будет, то будет только великой державой, она никак не может быть на задворках истории.

Ответ:

Я, наверное, с Вами полностью соглашусь. Но мне хотелось бы подчеркнуть то, что Россия обязана играть ведущую роль в мировой политике. К сожалению, сейчас, особенно среди молодого поколения, культивируется мнение о том, что Россия не может быть великой державой, ее уровень — региональность. Но такая позиция противоречит сущности русской культуры, не позволяет воплотить национальную ценность ответственности за судьбы мира. А поэтому верным следует признать тезис, что Россия, если будет, то будет только великой державой.

Вопрос (И.Л. Андреев):

Я не буду повторять, что доклад интересный. Сама идея о том, что экономическая и технологическая коллективность не являются полноценным критерием успешности социальной системы, показана хорошо. Но у меня возникает вопрос, с которым я прихожу на каждый семинар, с которым я слушаю каждый доклад и выступаю каждый раз. Какие конкретные рекомендации для государственно-управленческого проектирования вытекают из Вашего доклада? Проблемный анализ Вы, допустим, сделали. А какие рекомендации, адресованные властям и обществу, можно, опираясь на него, сформулировать? В основу какого реального и перспективного проекта могут лечь Ваши выводы?

И вторая часть этого вопроса. Может быть, стоит теперь подойти к более реальной философско-психологической проблеме: как и почему рожденная на Западе «безмозглая», т. е. стихийная,

но справедливая — по Адаму Смиту — «невидимая рука» рынка мешает сегодня развернуться отличающей духу информационной цивилизации «виртуальной голове» экономики знаний? И как выжить из сознания многих людей представления о том, что рынок и парламентская демократия — все это порождение Запада (хотя Черчилль и прочие известные политические деятели собственную парламентскую демократию ругали, как могли)?

Второй вопрос. Вы активно используете понятия «национальный архетип» и «национальный характер», «национальное бессознательное». Помогите мне разобраться в себе: национальный характер у меня явно русский — это понятно. Какой же у меня тогда национальный архетип? По матери я — венгр. Когда немцы подошли к Москве, Сталин вспомнил, что Хорти выступил на стороне Гитлера. Всех московских венгров, включая будущего премьер-министра послевоенной социалистической Венгрии, посадили в товарный вагон с сеном и отправили в Сибирь. Этим же поездом вывезли в Иркутск и меня с беременной мамой — дочерью, кстати сказать, народного комиссара (в ранге министра) в правительстве Бела Куна, нелегально эмигрировавшей с родителями и братьями после подавления Венгерской Советской Республики в Мукачево, а затем в Москву. Так что в годы войны я жил в Сибири среди ссыльных венгров. До сих пор, несмотря на типично русский характер, на меня магнетически действуют звуки чардаша, меня волнует мелодика венгерской речи, хотя других она порой раздражает. Я бы не согласился с тем, что архетип бывает национальным. У Юнга, по-моему, гораздо более глубокий, биологически, генетически и этологически обусловленный эволюционный контекст этого понятия. Архетип, дислоцированный где-то в глубинах психики — скорее всего в ретикулярной формации или, в лучшем случае, в лимбической системе подкорки головного мозга человека, — заведомо может (и должен) быть исходно многозначным, многослойным, а потому неизменно латентным, полифункциональным, комбинированным. Юнг, во всяком случае, писал, насколько я помню, об этих виртуальных реалиях сознания не так, как Вы его излагаете, а совсем иначе. Прошу Вас развеять или хотя бы прокомментировать мои сомнения в свете основных положений Вашего доклада?

Ответ:

Постараюсь ответить на все Ваши вопросы, насколько смогу. Прежде всего относительно рекомендаций (боюсь они у меня будут слишком радикальными). Необходимо перейти от западных матриц управления, от тех образчиков, идей, которые установлены либеральными властями, к тому что соответствует национальным интересам. Я буду выступать за конституционную реформу, в которой будет снято ограничение на занятие высшего государственного поста, потому что формальный признак — два срока подряд — совершенно не связан с воплощением национальных идей и целей.

Реплика:

Значит руководителя надо оставлять навсегда?

Т.А. Чикаева:

До тех пор, пока политика соответствует национальным интересам.

Реплика:

А кто это определяет?

Т.А. Чикаева:

Этот механизм как раз подлежит конкретизации. Определенные предложения уже можно сформулировать, но они требуют дополнительных исследований. Давайте задумаемся о целесообразности нынешней формулы. Президента избрали на 4, 5, 6, 7 лет, и по окончании срока дали оценку результатам его деятельности. Тогда общество может принять решение — избирать или не избирать этого человека на новый срок, если это возможно. А если невозможно, то начинается сложный политический процесс. В этих условиях затруднительно проводить суверенную независимую последовательную политику. Искусственное прерывание тенденций развития страны, связанное со сменой руководства, может иметь весьма негативные последствия. Пример можно найти в недавней российской истории 2008–2012 гг. Действие, которое вредит государству, совершить легко; исправить его — сложно. Очень важным

является как раз то, о чем мы говорили, — воспитание, возвращение воспитания во все уровни. Человек должен знать и понимать: когда он встречается в средствах массовой информации, на улице, в коллективе с прославлением антиценностей, прославлением тех ценностей, которые не свойственны, у него формируется иной менталитет. Все идеи, которые здесь дискутируются, должны быть вынесены на широкое общественное обсуждение. Благо, рожденная на западе идея рынка показывает: классического рынка уже давно нет, с 1913 г. его не существует нигде. Поэтому говорить о том, что сейчас где-то существуют в чистом виде традиционные ценности демократии, я бы, наверное, не стала.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Позвольте мне тоже задать вопрос. Он скорее методологического плана, но, как мне кажется, важный для нашего разговора. У меня сложилось впечатление, что говоря о ценностях — и в докладе, и в дискуссии, — имеются в виду две существенно разные смысловые конструкции. Ценность как вещь в себе, как номинированная оболочка, и ценность как воплощенная, имплементированная в неких материальных формах установка, намерения, действия. То есть ценность как проявленная номинация, которую можно фиксировать в конструктах государственности, общественных систем, культурных типов организации общества. Два разных состояния жизни одного и того же термина и понятия.

Вопрос такой: какие необходимо придумать дополнительные определители или термин к простому односложному слову «ценность», чтобы мы могли различать две этих смысловых нагрузки? И, может быть, тогда снимется целый ряд дискуссионных моментов. В частности, один из них затронул Вардан Эрнестович Багдасарян, когда сказал: «У любого народа одни и те же ценности в словаре, в номинации». У всех они есть, а откуда тогда берется специфика?

Ответ (Т.А. Чикаева):

Спасибо, Степан Степанович, попробую немного поразмышлять над Вашим вопросом. Есть понятие «смысл» и понятие «номинация». Иметь их в словаре — не означает понимать суть

и воспринимать ценность как цель, как значимое состояние. Здесь хотелось бы отметить, что в моем понимании ценность имеет двойственную природу. С одной стороны, она агрессивно существует, формируется в национальном менталитете, с другой стороны — ценность может быть актуализирована, т. е. воспринята обществом как ценность, а может частью общества, всем обществом не быть воспринята. Возможно состояние менталитета, которое было как раз в девяностые годы, когда ценность воспринималась как просто некая номинальная категория, как некая словесная оболочка, не подкрепленная ничем другим. Таким образом, провозглашение ценности и понимание ее реальной сути, а равно мышление и действие в соответствии с ней, могут быть противоречивыми, когда содержание не соответствует форме. Специфика в воплощении ценностей заложена в национальном менталитете, в национальном образе жизни, который в свою очередь определяется условиями существования и развития нации — как внешними, так и внутренними.

Вот такова вкратце моя позиция по данному вопросу. Но мне хотелось бы, с Вашего разрешения, поразмыслить над ним дополнительно, поскольку ответ на него способен стать одним из факторов поиска успешного развития Российского государства. Вы позволите?

С.С. Сулакшин:

Естественно.

Выступления**В России больше нерешаемых логических проблем**

Д.С. Чернавский, доктор физико-математических наук

Я хотел бы высказать пожелание развить тему. Ни в докладе, ни в каких-либо других источниках я не увидел, чтобы был использован принцип дисперсии признаков. Были перечислены признаки — например, покорность и т. д. С моей точки зрения, гораздо более существенную роль играет сравнение дисперсий, т. е. то, как распространены в обществе признаки — узко или широко, сколько людей и т. п. У меня такое впечатление, что если эту работу провести — трудную, но вполне возможную, — то окажется, что самым главным признаком российской цивилизации является широта дисперсии всех признаков.

Почему я так считаю? В России действительно наблюдается очень широкий спектр всех признаков — по глупости, уму, обычаям и т. д. Мое пожелание — развить работу в этом направлении. С моей точки зрения, это будет очень существенный и пионерный вклад в цивилизационный анализ.

Что касается национального разума и национального рассудка. Вообще, в чем разница? Я воспринял это следующим образом. Национальный рассудок — это принятие решений и, в общем, мышление на основании образов. Это мышление интуитивное, на основании интуиции и набора той широкой информации, которым владеет человек. Это рассудок. Что касается разума, я воспринял это скорее как логическое мышление (мышление на основании аксиом и установленных правил работы с аксиомами).

Каков национальный характер и есть ли он? Принято думать, и это действительно так, что научные достижения — как то закон Кулона, закон Ньютона — действуют на территории нашей родины так же само, как и на всех остальных территориях. И это действительно так. Вместе с тем, и в физике, и в математике, и в философии различают французскую, немецкую и русскую школы матема-

тиков и философов. В чем разница? А вот в чем: какую роль в этом играет логическое и интуитивное мышление. Я понял Вас, Татьяна Александровна, так, что в России национальный рассудок, т. е. интуитивное мышление, играет бóльшую роль, чем логическое. Хотя и то и другое, безусловно, необходимо и, безусловно, настоящая научная работа содержит и то и другое. Смею утверждать, что настоящие великие открытия (тот же закон Ньютона, закон Кулона и т. д.) делаются не на основании логики, и философы это знают. Например, уравнение Шредингера логически не выведешь. Это результат интуиции. В российской школе, я повторяю, преобладало, на мой взгляд, образное мышление. И это естественно, поскольку накопленная информация, широта, дисперсия позволяли использовать различные образы в более широком плане.

Возьмем теорию механики. Да, она возникла на Западе — Ньютон и т. д. Это, так сказать, законное достижение. А вот теория неустойчивости (А.М. Ляпунов) возникла именно в России. Почему? Потому что в России — и в обществе, и вообще в окружении — гораздо больше неустойчивых, нерешаемых логических проблем. Вот в чем здесь разница. Я так воспринял понятия «рассудок» и «разум», и так воспринял национальные черты и того и другого.

Необходим переход к новой методологии интерпретации ценностей

С.А. Кравченко, доктор философских наук

Татьяна Александровна, скажу, что для души — супердоклад, для разума — я не могу согласиться с Вашей, по существу, позитивистской методологией. Вы сказали, что методология — это основа вашего доклада. И действительно, когда я начинал преподавательскую деятельность, я учил студентов тому, что должно быть и, соответственно, какие должны быть ценности. Я убеждал, что опираясь на «законы» общественного развития, обязательно будет материализация этих ценностей, что придет коммунизм, и эти ценности восторжествуют. Я так же учил, как Вы говорите, что

есть ценности «хорошие» — это, естественно, наши коммунистические идеалы, и есть ценности «плохие», т. е. западные «антиценности». Но наступил, как пишет в своей книге Сергей Георгиевич Кара-Мурза, кризис обществензнания, и этот кризис обществензнания показал, что сегодня позитивистски мыслить категориями «универсальных» ценностей нельзя, ибо мы имеем дело со сложными системами (современное общество — это сложная система). Для нее характерны не те стабильные ценности, которых нам так хочется, а тот плюрализм ценностей, которые реально есть, да еще находится в контексте весьма динамичных изменений.

Проблематикой ценностей занимались классики социологии, начиная от Эмиля Дюркгейма, который показал, как непросто ценности влияют на нашу жизнь. Он обосновал, что такое аномия, когда ценности в силу разных причин сталкиваются друг с другом, и какие социальные девиации при этом происходят. Думается, что первая волна столкновений собственно российских и западных ценностей привела к тому, что в стране в 1917 г. произошли две революции. Вторая волна аномии связана с политикой открытости начала 90-х гг. прошлого столетия. Тогда уже советские ценности столкнулись с западными ценностями, и возникло то, что сегодня мы имеем ценностную аномию: часть общества придерживается традиционных интерналистских ценностей, другая же ориентируется на либеральные ценности, через призму которых видятся перспективы развития демократии и рынка у нас в стране.

Самая крупная работа, посвященная анализу ценностей в историческом контексте, — это труд нашего ученого-социолога Питирима Александровича Сорокина — «Социальная и культурная динамика». В нем утверждается культурный и ценностный релятивизм, показывается, что нет незыблемых, «универсальных» ценностей вообще, а есть флуктуация ценностей, существовавшая во все времена. Ценности постоянно меняют свой смысл в любых культурах, если взять исторически относительно более или менее длинные периоды времени. В любых культурах есть периоды, когда доминируют чувственные ценности. Однако их сменяют идейные ценности, которые на определенное время тоже становятся доминирующими. Когда же происходит их столкновение, то наступает кризисная ситуация: либо общество справляется с ней и перехо-

дит на новый уровень ценностей, либо даже погибает. И сегодня человечество столкнулось с тем, что не исключена такая вероятность — невозможно более существовать, руководствуясь только чувственными ценностями, побуждающими к неограниченному потреблению.

Как сегодня российские социологи относятся к ценностной проблематике? Одна из существенных работ на эту тему — труд члена-корреспондента РАН, главного редактора журнала «Социологические исследования» Жана Терентьевича Тощенко, который называется «Парадоксальный человек». Квинтэссенция его состоит в том, что когда возникла открытость социума в нашей стране, то неизбежно появились как миксофилия (желание плюрализма ценностей), так и миксофобия (боязнь ценностного многообразия). При этом возникла парадоксальная ситуация: в сознании вполне нормальных людей сосуществуют, казалось бы, несочетаемые друг с другом самые разные ценности — в частности, и традиционные, и демократические ценности. Так, подавляющее большинство россиян, как показывают социологические опросы, выступают за демократию, но с другой стороны — за традиционализм (просят помощи у государства, сами не проявляют активность). Нравится нам это или нет, но этот ценностный раздрай у нас присутствует, что и обусловило появление нового социального типа — парадоксального человека.

Кроме того, современные социологи идут еще дальше, раскрывают амбивалентные отношения между ценностями и «антиценностями». Возьмите, к примеру, ценности рационализма. Великолепно функционирующие ценности рационализма организуют повседневную жизнь людей на Западе. Однако великий социолог современности Роберт Мертон показал, что ценности рационализма ведут к обучению... неспособности. Какой неспособности? Неспособности к *творческому мышлению*. Почему российские студенты, которые окончили физико-математические факультеты университетов, так ценятся на Западе? Да потому что Запад зашорен на Западе в ценностном рационализме, а для инноваций необходим эмоциональный полет мысли, разумеется, опирающийся на знания.

Другой пример. Возьмите ценности демократии. Ценность это или нет? Да, ценность. Демократия освободила женщин от

рабства (сегодня мы говорили о рабстве). Но каковы латентные последствия демократизации? Она привела к тому, что мы имеем сегодня демографическую ситуацию, которая нас заводит в тупик. Многие женщины, будучи в контексте чувственных ценностей, говорят: «Я хочу шубу. Я хочу хорошего отдыха и власти. А вот рожать — не хочу!» И тут одним материнским капиталом положение дел не исправишь. Нужно движение к *иным ценностям*, иному знанию. Знание, как показал французский теоретик Мишель Фуко, является властью, задает характер как поведения людей, так и жизненные стили.

И последнее замечание. В социологии есть понятие «ментальность» и есть понятие «сознание» (общественное, национальное и т. д.). Если социологи говорят о ментальности, то они имеют ввиду архетипы. А когда речь идет об общественном сознании, то обычно подразумеваются коллективные представления. Сознание можно достаточно быстро изменить (общество стало открытым — и поменялось наше с вами сознание, мы стали мыслить иначе, не только в марксистских или позитивистских категориях). А вот наша ментальность ведет себя иначе. Изменяется ли она? Да, изменяется, но очень и очень медленно. Она по своей природе регидна. И вот если учесть эти сознательные/бессознательные факторы, то, с моей точки зрения, у вас будет более тонкий инструментарий и более тонкий анализ.

Размышления о русской национальной культуре

С.И. Реснянский, доктор исторических наук

Я внимательно слушал выступление Татьяны Александровны, пытаясь, как говорится, раскрыть свои суггестивные шлюзы восприятия влиянию субъективной творческой энергии докладчика. Из прослушанного доклада мне в очередной раз стало понятно, что пытаются опровергнуть сегодня современная российская медиакратия, растворяя наше с вами сознание в прокрустовом ложе ощущений минерального существования. Мне, в частности, понятно, что вне религиозной веры жизнь человеческая но-

сит сугубо биологический характер (пример — искушение Христа в пустыне). В этой связи мне понятно, что сегодня просто необходимо глубокое осмысление нашей истории и культуры, требуется преодоление множества штампов в этом аксиологическом пространстве российского прошлого. И мне импонирует, что мысль автора доклада, ее интенция выстраивает структуризацию смысла вокруг этого основного базового ядра, так сказать ценностного поля русской национальной культуры как духовную жизнь российского и, прежде всего, русского общества. Это очень важно и ответственно, ибо сегодня Россия вступает в новую действительность, что требует глубокого осознания: может ли дать в этой связи Россия достойный «ответ» на «вызов» западного глобализма с его культурой потребления, в понятиях и ценностях старых национальных традиций, естественно, по-новому осмысленных с позиций нашего века? Если да, то крайне важно всемерно актуализировать их и положить в самое основание воспитания русского человека XXI в., начиная с детства, и далее вплоть руководителей государства, ибо только на величии прошлого, на его героике, можно привить нашему народу любовь к своей Отчизне. Другого просто не дано.

Выступление Татьяны Александровны в этой связи оптимистично. Я с ним полностью согласен и всемерно ее в этом готов поддерживать. И, конечно же, я согласен с тем, что культура есть объективация национального характера. Культура должна определяться не мерками, не клише, взятыми напрокат из западного супермаркета, а критериями, отвечающими ее собственной сущности. Об этом автор тоже прекрасно говорит. И здесь мы уходим, как мне кажется, за рамки исторической науки, ибо наука везде видит только свершившееся, историческое и нигде не видит существующего и вечного. Здесь роль интуиции безусловна, о чем и говорила докладчик.

Вспоминаются в этой связи слова И.А. Ильина — «чтобы понять Россию, ее надо любить сердцем». Со своей стороны, хотел бы добавить ряд соображений по поводу ценностного вектора развития русских национальных традиций и прежде всего русской национальной культуры. На мой взгляд, есть два момента, присущие русской культуре, наглядно показывающие ее вселенский харак-

тер, и я хотел бы их выделить. Первый связан с библейской максимой: не хлебом единым жив человек (в отличие от сытого Запада, как его определил М. Бахтин; Ф.М. Достоевский говорил в этой связи: наестся человек и спросит: а дальше что?), а всяким словом. Именно духовная доминанта русской культуры способствовала расцвету мировой культуры в XX столетии. Возьмем, к примеру, «русский пароход» философов, отправленный большевиками в изгнание в 1922 г. Вспомним, как тогда изумились Западная Европа и Соединенные Штаты Америки наличию гигантского количества креативных идей у этих русских интеллектуалов, оплодотворивших этими идеями всю западную культуру — и философию, и литературу, и музыку и многое, многое другое. Тот же Н.А. Бердяев, не имея высшего образования, (он окончил, как известно, только три курса Киевского университета), был почетным доктором философии ряда западных университетов и т. д.

И второй момент, органически присущий русской национальной культуре, — ее удивительная всеотзывчивость. Та всеотзывчивость, о которой говорил еще Ф.М. Достоевский, говорили другие русские философы и литераторы, та комплементарность, как назвал это явление Л.Н. Гумилев, позволившая создать уникальный, неповторимый мир Евразии, который сегодня, как мы видим, к большому нашему всеобщему сожалению рассыпался на наших глазах, прежде всего, как мне представляется, из-за амбициозных игр всевозможных политиканов.

И последнее, что я хотел бы сказать в контексте обсуждения доклада Татьяны Александровны, — о русской национальной идее, как я ее понимаю. На мой взгляд, русская идея необратимо дискуссивна. Имеются различные ее толкования. Ф.М. Достоевский говорил, что можно многое не осознавать, а лишь чувствовать. Это, как мне кажется, относится и к русской национальной идее. Тем не менее, я назвал бы главные исторические крепости нашей русской жизни, и они, как некий инвариант, проходят вплоть до сегодняшнего дня через все необъятное пространство отечественной истории. И здесь я не буду оригинален: их три — это, безусловно, православие, самодержавие (я имею в виду сильную единоличную государственную власть) и земельная община. Это те три момента, которые назвал Константин Леонтьев в своих статьях из «Вар-

шавского дневника» еще в 1880 г. И сегодня, когда поднимают на щит Столыпина, разрушителя крестьянской общины, это, на мой взгляд, ужасно, ибо я думаю, что тогда это была просто гибель России, как имперского государства. Община должна преобразаться, но ни в коем случае не разрушаться, как это сделал Столыпин — уничтожил общину, и вслед за этим в 1917 г. ушла в прошлое и Российская империя. Большевики это прекрасно поняли, восстановив крестьянскую общину в уродливой новой форме колхозов, что и дало им возможность сохранить советскую власть, государство и Советский Союз на десятилетия. Сегодня нет ни того, ни другого. И это печально.

Еще раз спасибо, Татьяна Александровна, за прекрасное выступление.

Вечные ценности одушевляют народ, но их можно утратить

Д.А. Лебедев, кандидат биологических наук

По моим понятиям, набор ценностей, которые определяют основные черты как личности человека, так и народа, можно подразделить на те, которые делают человека человеком и на те, которые определяют характеристики народа как субъекта истории — т. е. те характеристики, которые отличают один народ от другого.

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что в череде сменяющихся поколений могут постепенно утрачиваться как человекообразующие, так и народообразующие ценности.

Для примера рассмотрим известную и весьма типичную историю смены ценностных установок третьего поколения в купеческих семьях.

Первое поколение — характеризуется неустанным трудом всей семьи, жесткой дисциплиной и экономией на всем. Состояние семьи растет.

Второе поколение. Наследник отправляется в Англию, осваивает всевозможные новшества, возвращается в Россию и модернизирует свои предприятия. Доходы стремительно растут.

Третье поколение. Сын наследника все пропивает.

Почему так происходит? Потому что семья была ориентирована на материальное процветание и только. А это значит, что ее установки не могут соответствовать тем ценностям, которые делают человека человеком.

В притчах Евангелия сформулировано достаточно жесткое отношение к людям, забывающим свое предназначение.

«... У одного богатого человека был хороший урожай в поле;

И он рассуждал сам с собою: что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих.

И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое.

И скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.

Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

Так *бывает с тем*, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

И сказал ученикам своим: посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что вам одеться:

Душа больше пищи, а тело — одежды...

Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам». (Лк. 12, 23).

Цель человека — это работа по совершенствованию строя своего духовного мира. Человек «стяжает Дух Святой» — это стяжание есть следствие развития чувства любви к Богу. Это «стяжание» превращает человека в бессмертного соратника Бога.

Цель государства — обеспечение Полноты бытия человека, т. е. создание такой Среды его обитания, которая позволила бы ему в оптимальном режиме, максимально успешно реализовать свой духовный потенциал. Это и есть свободное, гуманистическое, нравственное государство.

Каков общий посыл социальной эволюции, способной менять цели и ценности человека и общества? Этот посыл завязан на воспитание человека. Об этом Татьяна Александровна говорила.

Так вот, проект Модерн навсегда уходит — ему на смену приходит Постмодернизм.

В Модерне «сгорает» традиционное общество. То есть «сгорает» *община*. А что есть община не с точки зрения производства, а с точки зрения воспитания подрастающего поколения, т. е. с точки зрения становления личности человека?

Человек таков, какова среда его развития. Нужно очень хорошо понимать, что община — это прежде всего максимально совершенный способ воспитания человека.

Все дело в том, что семья без общины бессильна противостоять дурному влиянию уродливой Среды развития. Одна семья плюс современная школа — это не есть достойная система воспитания и образования. По сути, современная школа в значительной степени исчерпала свой внутренний потенциал развития. Напомним, что основные черты личности формируются в возрасте до 5 лет, т. е. сегодня школа не может быть серьезным участником самого главного периода жизни ребенка. По мнению автора, этому может успешно противостоять *только* общинная педагогика в ее достаточно совершенном исполнении.

Мы считаем, что сегодня позволительно сделать твердый вывод: для того чтобы получить представление о Матричном коде любой цивилизации, необходимо понять то специфичное для нее, что реализуется в системе развития личности, т. е. нужно понять особенности национальной системы воспитания — образования. А это есть не только общеобразовательная школа, но и вся конструкция полноценного развития психики детей.

Необходимо помнить, что процесс становления полноценной личности человека — это всегда взаимодействие невидимого, т. е. *духовного мира* с миром *материальным*. По нашим представлениям, стержневую *сущность* *духовного* мира русско-российской цивилизации определяли монастыри и приходы РПЦ, сущность же материального мира определяли *крестьянские общины*.

Так уж получилось, но большинство из нас очень плохо представляют, чем была русская община. Часто упускается и то, что со второй половины XIX в. в нашей стране предпринимались систематические усилия по ее разрушению. Успех в деле разрушения общин был достигнут в первой половине XX века. По сути, русская

община существовала только во времена царей, колхозы — это то, что к общинам имеет косвенное отношение. И, на наш взгляд, плохо осознается, что процесс уничтожения общин, наряду с гонениями на Церковь, — это главное основание смены-утраты целей и ценностей русско-российской цивилизации. Это и есть главное обстоятельство, порождающее множество катастрофических изменений в нашей стране. И значит, восстановление и совершенствование *общин* плюс полнокровное возрождение РПЦ — как развивающегося, так и развивающего института страны — это и есть магистральный путь становления Новой России.

Деревня (традиционно-общинный быт) привычно рассматривается как отрасль хозяйства страны, которая поставляет продукты питания и сырье для легкой промышленности. Это глубочайшая ошибка. Деревня — это единственный (!) *коренной* исток культуры народа. В совершенном исполнении деревня способна стать безукоризненной системой развития детей, системой полноценного становления нравственной личности. Продукция сельского хозяйства должна стать побочным результатом педагогической деятельности общин — это крайне значимое положение социологии будущего.

Нередко социологи связывают будущее человечества с развитием креатосферы, т. е. с развитием творческого начала множества людей. Это все было в России. Русский крестьянин всегда был погружен в креатосферу. Он, как правило, владел тридцатью, а то и большим количеством вовсе не простых профессий. А еще он понимал, что упущенное им время может обернуться голодом, лишениями, а то и гибелью семьи. Артельный же труд и соблюдение законов общины оптимальным образом гармонизировали его жизнь. Воспитанные крестьянские дети были *идеально приспособлены к сложному (!), принципиально творческому труду*, а также к непростым межличностным отношениям внутри общины. Правильное же воспитание крестьянских детей не могло проходить без их приобщения к Церкви. Именно она делала общину космоцентрическим союзом людей.

Главным законодателем общины было ее собрание. Все решения принимались единогласно!!! Несправедливость не допускалась в принципе! Это вам не западная демократия.

Община была органом социального обеспечения, а еще она запасала хлеб, строила школы и нанимала учителей. «Квартирный вопрос» общиной решался быстро — в течение дней, а не десятилетий. Дом для молодоженов строили всем миром, и от такого рода работы никто не уклонялся.

Позволю себе небольшое отступление. Крестьянская община России XIX в., даже в своем далеко не лучшем варианте, была способна закладывать в души детей весьма совершенное основание. Вот одно из свидетельств поэта Н.А. Некрасова:

«... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки;
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье;
Его я узнаю всегда...»

Крестьянин, священник, дворянин-воин, купец и предприниматель, чиновник, ремесленник-рабочий, врач, учитель, художник, поэт, ученый, изобретатель и инженер — это люди, которые составляют основание культуры любой страны. Но, по нашему мнению, главными создателями и носителями Матричного кода русско-российской цивилизации все же являются крестьяне, монахи и священники. То есть то надежное основание личности, которое воспроизводилось в общинах, в сельских приходах РПЦ и в монастырях, позволяло закладывать достаточно совершенные качества человека, они и помогали потомкам крестьян гибко адаптироваться к большим социальным переменам. Эти качества делали сельскую молодежь смышленной и трудолюбивой. Соответственно, дети крестьян могли быстро осваивать любые из самых сложных специальностей. А поскольку по преимуществу их души действительно принадлежали Богу, то и нравственное основание всей нации было вполне надежным.

Такое представление о центральных конструкциях русско-российской цивилизации подводит к вполне оптимистическому выводу, поскольку сказанное означает, что если в ближайшее вре-

мя будет принято решение о создании в нашей стране достаточно совершенных и постоянно развивающихся общин, то именно они и станут базовыми структурами становления полноценной, нравственно одаренной личности, имеющей ценности, достойные человека. И значит, произойдет стремительное возрождение России.

Под этим углом зрения попробуем представить бурное социальное развитие и последующий закат эпохи, которая получила название «проект Модерн». Становится очевидным, что Постмодерн — это стадия вырождения в целом и социума, и его властных структур. Почему? Вырождение наступает только тогда, когда люди начинают терять свой креативный потенциал. Постыдной тайной модерна, — пишет А.С. Панарин, — является то, что он по нарастающей теряет свой творческий потенциал.

Между тем, повсеместное разрушение общин приводит к тому, что постепенно резерв жизнестойкости нашей страны иссякает, что и вызывает нарастание множества ее проблем. Они в принципе не могут не нарастать из-за массовой инфантилизации народа.

До революции 1917 г. более 85% населения России жили в общинах. Они были несовершенные, но они в значительной степени воспроизводили Матричный код России. Сегодня общины практически полностью исчезли.

Личность человека, в ее главных чертах, формируется, как мы уже говорили, до 5 лет. Поэтому плеяда блистательно талантливых ученых, инженеров, полководцев, писателей, художников и иных деятелей культуры России — СССР первой половины XX в. — это все *производное от общинной культуры России XIX века!* Община исчезла, и постепенно набирает ход процесс распада нашей уникальной цивилизации.

Мы понимаем: все живое настраивается по образцам. Именно элиты позволяют быстро создать образцы наивысшего качества, и значит поднять уровень развития той или иной отрасли хозяйства или какого-либо направления науки, техники и культуры до максимально высокого уровня.

Культура страны воплощается в жизнь, в том числе, через университеты, вузы, различные НИИ и технические школы. Это еще и театры, музеи, библиотеки, картинные галереи и многое другое, что может в совершенно-эталонном виде существовать

только в городе. Но городская культура станет быстро вырождаться, если не будут созданы совершенные деревни-общины. В них, и только в них может быть создана совершенно-эталонная система воспитания и образования.

Из крайне важного положения о роли общин в жизни страны вытекает множество принципиальных выводов, которые могут ускользнуть от внимания обществоведов.

Именно провинциальная Россия, именно ее деревни и малые города способны *соединять* государство в истинно единый организм. Совершенная деревня — это основная конструкция создания единого и значит — неразрываемого в принципе, целостного, гармоничного организма страны.

Оптимальная же для человека среда обитания — это прежде всего совершенная система развития личности человека. Только гармоничное сочетание совершенного города и совершенной деревни, которые обладают безукоризненной архитектурой и которые обязательно погружены в гармонию уникальных природных ландшафтов, позволит создать безукоризненную среду обитания человека.

Через два-три поколения жизни людей в городах неизбежно происходит утрата некоего набора качеств их психики. И городская культура не может эти потери компенсировать. Так город постепенно становится скоплением «лишних людей», невротиков и инфантилов, плохо пригодных к главному труду — труду, который способен рождать гармонию Земли и Неба. Большинство горожан становятся людьми, вырванными из контекста их естественно-природной связи с гармонией Космоса. Соответственно, они начинают терять ценности, которые сформировали культурный код русско-российской цивилизации.

В эпоху *Постмодерна* человек постепенно превращается в социальный атом. Эта глубочайшая патология сегодня выдается за норму. Мол, только человек-атом может быть истинно свободным.

В эпоху *Постмодерна* смысл «свободы» отрывается от содержания. Человек, который получил очень плохое воспитание, не может иметь полноценную психику, и значит он не может в принципе в полной мере реализовать свой творческий потенциал, т. е. он не свободен. Как не может полноценно его реализовать в пол-

ной мере человек, который потерял какой-либо из органов чувств или какую-либо конечность.

Спиралевидная последовательность событий, которые приводят к заболеванию общества, схематично может быть представлена следующим образом.

1. Среда развития человека не соответствует его природе — в результате появляются множество инфантилов, психика которых повреждена или недоразвита. Это обстоятельство вызывает резкую смену целей и ценностей общества.
2. Часть этих персон встраиваются в структуры государственной власти — в результате ее работа становится неадекватной. Чиновник, лишенный творческого начала, — всегда неадекватен. Таким образом, множественные проблемы, возникающие в обществе как результат действия нездоровой власти, становятся следствием действий невротиков и персон, которые росли в условиях различного рода деприваций. Понятно, что неадекватная власть возникает как производное от состояния народа, который погружен в глубоко аномальную среду развития. Самое же главное заключается в том, что из-за действий неадекватных политиков и управленцев эта среда для каждого следующего поколения детей будет все хуже и хуже.
3. Следовательно, социальная патология начнет быстро нарастать во времени. Дети, попадая в аномальную среду развития, постоянно испытывают страх, и более того, им всегда недодается то, что они обязательно должны получать в нормальном социуме, а это и есть депривация. Страх порождает невротиков, у которых не может полноценно развиваться психика, а депривация возникает как следствие действий этого самого невротика, что необратимо блокирует развитие личности. Эта ситуация замыкает порочный круг социального патогенеза.

Все живое настраивается по образцам и воспроизводит образцы. Все живое изобретает и обязательно встраивает изобретенное в систему развития биологического и психологического, в систему гармоничных отношений. Действия поисковика-изобретателя обязательно должны приумножать гармонию — между обществом

и личностью, между людьми и государством, между обществом и природой, между человеком и Богом. Это и есть наиглавнейшие и неизменяемые ценности человека.

Вывод из сказанного прост: трагедия эпохи Модерна состоит, во-первых, в разрушении базового элемента общества, который есть община (социальная клетка) и который есть базовая конструкция становления личности. То есть капитализм разрушает основание здорового социума. Тем самым он обрекает новое поколение на развитие в условиях депривации.

Из-за этого человечество попало в капкан постмодернизма, который есть абсурдизм. Постмодернизм — это сообщество людей, выросших в условиях острой депривации, т. е. это общество инфантилов, персон с недоразвитыми, покалеченными «органами» психики.

Увы, сегодня большинство детей попадают в ситуацию малого или значительного воздействия депривирующего фактора. Неисчислимы беды от этого нарастают, и о них мало кто знает и мало кто говорит...

Община — это органичная система, которая способна удовлетворить главную потребность человека — потребность в его нравственном и творческом совершенстве. Община — это первое звено создания на Земле Полноты бытия человека. Община — это *начало* здоровой, точнее — естественной эволюции человечества.

То есть начало строительства Нового мира — это создание общин, которые отвечали бы критериям полноценного *первичного социального зерна*.

«...Мы, таким образом, открыли тайну человека, способного жить в России и любить ее, это тот человек, который сохранил в себе специфическую энергетику старой крестьянской России: внутреннюю выносливость и жертвенность, способность к спонтанной активности — не дожидаясь специального “стимулирования”, готовность дарить, а не обменивать». Это слова А.С. Панарина.

Вывод таков. *Наиболее значимая проблема России* сегодня — это нарастающее количество людей с инфантильной, недоразвитой психикой. Они теряют ценности русско-российской цивилизации. Они строят уродливую внешнюю среду развития для следующего поколения детей, и эта эстафета продолжается из

поколения в поколение. Так зло крепнет и множится. Народ попадает в капкан постоянно нарастающего недоразвития социума. То есть идет вырождение среды становления личности человека, что коренным образом меняет его ценностные ориентиры. Выход из этой ситуации один — создание совершенных систем развития человека. Но это невозможно сделать без создания совершенных Общин Полноты Бытия.

Философия и политология: диалектика прошлого и будущего в истории

И.Л. Андреев, доктор философских наук

Признаться, меня удивило, когда Вы стали Илью Муромца и Добрыню Никитича описывать в аспекте русского архетипа. Добавлю — в Вашем понимании. В Белоруссии мне в руки попала книга «Философия в сказках. Пособие по воспитанию»¹. Там говорится для детей, что философы — немножко странные, но в целом полезные, обстоятельные и уравновешенные в своих взглядах люди. Там дана иная трактовка трех былинных богатырей, а не двух, как у Вас. Вот сидят на поляне Илья Муромец и Добрыня Никитич, а забытый Вами Алеша Попович не может спокойно сидеть на месте, суетится, шашкой придорожные кусты срубает, приговаривая при этом: «Ух! Пойдем скорее всех зловредных басурман порешим! Отнимем у них нашу землю». Илья Муромец его степенно останавливает: «Куда торопиться? Давай сначала поедем, ведь сытое брюхо стрела не пробивает. Потом поспим, потом пойдем дружно на ратное дело». А Добрыня Никитич едко переспрашивает Алешу Поповича: «Отнимем у них нашу землю? Какую такую нашу землю? Землю, которая сейчас наша, мы прежде отняли у скифов. Нам без нее детей и женщин нечем будет кормить, а у басурман тоже есть женщины и дети, их тоже надо кормить». И вот выясняется, что тот из юных читателей, кто понимает и поддерживает Добрыню Никитича, есть потенциальный философ по жизни,

¹ Сурженко Л.А. Философия в сказках. Пособие по воспитанию. Минск, 2010.

а не обязательно по профессии. Правда, я четверым внукам формулирую смысл своей профессии несколько иначе. Философ призван видеть умственным взором и ощущать «шестым чувством» то, чего еще или уже не замечают в спешке и сутолоке дней другие люди. Философ способен не только погружаться в прошлое, переживать прошедшее, как будто оно настоящее, воспринимать как свое лично пережитое, но и мысленно и интуитивно как бы предвидеть, скорее предчувствовать то, чего еще нет, — словом, предвидеть будущее, варианты и перспективы происходящих процессов и следствия совершаемых поступков.

Как-то на масштабном Всесоюзном собрании советских обществоведов секретарь ЦК КПСС по идеологии академик М.А. Сулов обратился к аудитории со словами «Товарищи ученые и философы!» Помню, в зале возникло замешательство. Присутствующие решили, что главный идеолог партии оговорился, но... сейчас все стало на свои места. Философия действительно не является ни наукой, ни искусством в их классическом виде, хотя они вышли, образно говоря, из нее. Вместе с тем, философия виртуально содержит их суть в себе², либо (есть и такая точка зрения) располагается как бы «между ними»³. Иначе говоря, «добывая истину» в безбрежном океане научной и жизненной информации, философ вынужден максимально самоустраняться от субъективной оценки и интерпретации используемого материала, сознательно избегая, по мере возможностей, влияния собственных вкусов и предпочтений. Философу приходится действовать в строгом русле различных наук, на которые он опирается а данном случае. С той разницей, что ему не стоит повторять проделанный ими путь. Нужно лишь использовать их результаты, деликатно преобразуя присущие им парадигмы анализа в комплексную синтагму, создающую целостный образ (модель) предмета философского исследования⁴. Когда же дело доходит до оглашения или публикации философом

² Андреев И.Л. Психиатрия как философия медицины // Философские науки. 2012, № 2. С.130-145.

³ Визгин В.П. Как я понимаю философию // Философский журнал. 2009, № 2. С. 18.

⁴ Ракитов А.И. Наука и науковедение XXI века // Вестник Российской академии наук. 2003, № 2. С. 133.

итогах своих размышлений, вступает в дело его личное «Я». Его тезаурус, интеллект, темперамент, литературные данные, образы и символы, пословицы и поговорки и т. д. Словом, чтобы быть адекватно понятым и доступно изложить то ценное и новое, с его точки зрения, которое философ собирается донести до коллег и общества, он должен «пропустить» его через себя, через свое уникальное, неповторимое «Я». Иначе он не будет услышан. Эта сторона философствования сближает его с искусством. Миллионы мужчин приходят в неопиcуемый восторг от встречи любимой женщины. Но лишь единственный мужчина смог так вдохновенно и неотразимо произнести вожделенное «Я встретил Вас», что остальным миллионам остается лишь повторять бессмертные слова проникновенного романа.

Глубинную взаимосвязь искусства и науки, их взаимный переход, напомнивший мне модель листа Мебиуса, убедительно и красноречиво раскрыл на Всероссийской научной конференции, посвященной проблеме синтеза гуманитарных и естественных наук, профессор Владимир Николаевич Лексин⁵. В его блистательном по стилистике и богатейшем по содержанию докладе я увидел в латентном, свернутом, сжатом виде некий эталон подлинного философского творчества. Размышления, далекого как от тривиальной трескотни ни о чем и ни за чем, так и от изысканного узко профессионального дискурса, нередко засушенного и перегруженно громоздкими цитатами и заушной лексикой.

Проницательный Николай Васильевич Асонов резонно и деликатно заметил Вам, Татьяна Александровна: «Делая философский доклад, не пытайтесь повторять и тем более сумбурно пересказывать историков». По сути, о том же говорил энциклопедически эрудированный в своей науке профессор Вардан Эрнестович Багдасарян, справедливо посетовавший на то, что Вы нередко пытаетесь цитатами подменить необходимые для аргументации своих положений доводы. Лучше оставайтесь на философской позиции взгляда на проблему как бы с высоты птичьего полета. Оттуда соотношение ценностей и цели в эволюции и развитии сложных социальных систем выглядит гораздо глубже и понятнее.

⁵ Лексин В.М. Искусство и научная картина мира // Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. М.: Научный эксперт. 2012. С. 120-137.

Приведу грустный исторический пример их непропорционального смещения, которое очень дорого большинству из нас обошлось, прошло катком по судьбам целых поколений нашего народа. В только что вышедшей книге⁶ китайскими философами и политологами непривычно для осторожного восточного менталитета остро поставлен важнейший методологический вопрос современности — о практической взаимосвязи философии и политики. Речь в ней конкретно идет о «философии человека» и «новом гуманизме» в свете общечеловеческих ценностей, связанных с именем академика Ивана Тимофеевича Фролова, и неумных, неуклюжих, амбициозных попытках их политической реализации во внешнем и внутреннем плане, предпринятых последним лидером КПСС и президентом СССР М.С. Горбачевым. В предисловии к этой монографии авторитетный профессор Ань Цинянь прямо пишет, что увлекшись философскими идеями Фролова, «Горбачев забыл, что он политик (курсив мой — И.А.), он подходил к пониманию и решению существующих проблем как интеллигент, понимая судьбы перестройки в соответствии со своими представлениями». Я хочу от себя добавить к сказанному: если бы Горбачев был по базовому образованию историком или экономистом, а не поверхностно подготовленным (из-за чрезмерной увлеченности комсомольской и партийной работой, на стезе которой он видел свое будущее) правоведем с университетским дипломом и апломбом, липкие комплименты и льстивые обещания со стороны лидеров Запада скорее всего его насторожили бы, заставили задуматься. На деле именно они туманили его мозг и зачастую заменяли скрупулезный анализ действительности ответными психологическими и политическими реверансами. Иначе он бы вряд ли так примитивно попал в ловушку собственных заблуждений и незрелых политических экзерсисов. Философ и политолог, конечно, должны знать историю, но тщетно пытаться подменить и превзойти профессиональных специалистов в этой области. Кстати, идеи И.Т. Фролова, которые в России во многом скомпрометировал своей несерьезной поспешностью и ребяческой доверчивостью по отношению к политическим противникам М.С. Горбачев, уже 20 лет успешно

⁶ Яо Ин. Философия гуманизма И.Т. Фролова. Взгляд из Китая. М., URSS. 2012.

используются в процессе модернизации и развития Китайской Народной Республики.

Вернусь к анализу доклада, тем более что предполагается на его основе писать книгу (правда, пока мне не совсем понятны ее ключевая идея и степень научной новизны). Очень хороший пример Вы, Татьяна Александровна, привели по поводу победы Добрыни Никитича над Змеем Горынычем. Кстати, когда-то Ролан Быков в беседе со мной по поводу задуманного нами сценария по сюжетам африканских сказок обратил внимание на то, что русский былинный Змей был сыном змеи Горыны. Поэтому вместо *отчества* у данного пресмыкающегося было только, если позволительно так выразиться, *матчество*. Видимо, это — отрыжка относительно недавнего матриархата, свидетельство уступки им регулирующей роли в сложной социальной системе Руси той поры патриархату, который позднее был зафиксирован и юридически закреплен в очень недвусмысленном «Домострое». Показательно, что мудрый Добрыня Никитич добродушно предложил Змею Горынычу мировую в обмен на обещание больше не тревожить людской покой. Вы правы, это — явный фольклорный крен в отечественную историю, любование прошлым, через которое мы все когда-то прошли. Оно живет в каждом из нас на уровне не только коллективного **подсознательного** (привычный образ мысли и жизни), но и коллективного **бессознательного**, которое пока что скорее угадывается и утопает в фантазиях, нежели научно аргументируется. И это не только у нас. Возьмите такой остро актуальный сегодня и психологически весьма убедительный пример антитезы западному бизнесу и Всемирному Банку — феномен «дружелюбных» (для своих — мусульман) исламской экономики и свободного от ссудного процента и ростовщичества исламского банкинга.

Я недавно с искренним почтением подарил уважаемому Николаю Васильевичу Асонову — вдумчивому историку и активному политологу (ценное сочетание!) — одну свою давнюю монографию⁷. В ней, в частности, показано, что русской общиной обстоятельно занимались, помимо славянофилов и народников, Максим

⁷ Андреев И.Л. Рукописная страница истории марксизма: проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70-80-х гг. М.: Мысль, 1985.

Ковалевский, Вера Засулич, Лев Толстой. Будучи в яснополянском музее, я своими глазами видел лежащую на рабочем столе писателя небольшую книжку «Тюремная община», сплывавшую в то время каторжан — особенно политических. Карл Маркс серьезно задумывался о судьбах русской общины. В последние годы жизни он подробнейшим образом конспектировал, в частности, труд Льюиса Моргана «Древнее общество» и книгу профессора Максима Максимовича Ковалевского «Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения». (М., 1879). Сейчас былую русскую общину пытается по-новому, но с учетом основ доктрины своего знаменитого прадеда, реанимировать на территории восточной части России американский правнук Петра Аркадьевича Столыпина агробизнесмен Николай Случевский⁸.

Но продолжу относительно сегодняшнего доклада и его обсуждения. Профессор Сергей Александрович Кравченко — тонкий мыслитель. Я восхищен его только что вышедшей монографией⁹. Он очень хорошо подчеркнул, обсуждая содержание доклада, что в каждом из нас есть свой индивидуальный «срез» не только современной эпохи, но и прежних «этажей» истории человечества — вплоть до самых финальных этапов антропосоциогенеза. Психологический резерв России — сохранность коллективистских институтов. Десять лет назад я опубликовал знаковую для меня статью «Россия: взгляд из Будущего»¹⁰. В ее сюжете и даже в названии — точка расхождения наших с Вами, уважаемая Татьяна Александровна, философских представлений о нынешнем мире и о предшествующей ему истории. Принципиальное методологическое различие наших подходов состоит прежде всего в том, что Вы смотрите на нынешнюю ситуацию в России как бы из далекого прошлого, лишь по касательной затрагивая современность, а я стараюсь рассматривать нынешнее «сегодня» скорее под углом относительно близкого будущего. Подчеркну: Ваша точка зрения вполне резонна, она имеет полное право на развитие. Более того,

⁸ Случевский Н. Московские новости. 2012, № 217.

⁹ Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М., МГИМО – университет, 2012.

¹⁰ Андреев И.Л. Россия: взгляд из Будущего // Вестник Российской академии наук. 2003, № 4.

сейчас она является в историко-философских трудах доминирующей. Полемизируя с Вами, я лишь отстаиваю иную, более близкую мне лично методологическую позицию, которая, я чувствую, постепенно выходит на арену общенаучного дискурса, опирающегося, в частности, на трансдисциплинарный синтез (синтагму) нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий¹¹.

Кстати, в упомянутой выше статье я как раз пытался ответить, прежде всего самому себе, на нелегкий вопрос: почему так прочно прилипли к представлениям многих из нас о лучшем обществе западные стандарты либерального рынка и парламентского устройства государственной власти, а также дутые фантомы иллюзорного «государства всеобщего благоденствия» и застрявшего на «задах» современной истории белловского постиндустриализма?¹² Возьмите эту проблему в свою будущую монографию: здесь точно есть научная новизна, которую надо раскопать, и острая политическая актуальность. Даю подсказку. Мне кажется, что притягательность евро-атлантической цивилизации и Запада, самозванно провозгласивших себя лидерами и спасителями человечества, скрыта именно в потрясающих успехах «революции комфорта», которую там удалось осуществить в послевоенные годы. Конечно, она заведомо была предназначена для тех, кто мог этот комфорт оплатить в сфере здоровья, питания и многочисленных бытовых удобств. К слову, эту, казалось бы, лежащую непосредственно на поверхности социальной жизни «революцию» в ее дизайне и эффективности поначалу не заметили и своевременно не оценили многие наши социологи и психологи, историки и философы. Плюс тесно связанная с предназначенной успешным индивидам «революцией комфорта», шумно рекламируемая на весь мир защищенность «священных» прав и свобод отдельного человека. Причем, как правило, в отрыве от его социальных обязанностей, которые адресованы социальным низам и остальному миру. Такой посыл

¹¹ Макаров В.Л. Компьютерное моделирование как метод познания // Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. М.: Научный эксперт, 2012. С. 17-19.

¹² Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012.

откровенно отражает и выражает рожденный на Западе концепт гражданского общества и плебисцитарной демократии¹³. Это оказалось удивительно притягательной заманихой (уральский разговорный народный термин) для простодушной публики. И не только для наших удачливых соотечественников, сумевших скотлотить состояния в смутное время массовой социальной растерянности и моральной неразберихи. Много лет назад известный африканский революционер, врач-психиатр по образованию, Франц Фанон выпустил в Алжире книгу «Черная кожа, белые маски». В качестве верха имиджа и головокружительного престижа нарождавшейся тогда африканской бюрократической элиты он назвал три основных признака: белая жена (Сенгор был женат на родной сестре французского премьер-министра Помпиду), черный «Мерседес», отпуск в Ницце. Вот Вам, Татьяна Александровна, почти современный пример генезиса нового трансконтинентального (наднационального!) архетипа. Но сама «революция» комфорта и прав человека не так проста, как это может показаться с первого взгляда. В ней ловко «запрятана» замешанная на подсознательном инстинкте самосохранения идеология индивидуализма и эгоизма, она ориентирована не на общество в целом, не на большие социальные группы — тем более, не на массы и даже не на абстрактного индивидуума, — а на реального и потенциального индивидуалиста. Она по сути негласно призвана разъединять людей, дробить единство социума, заведомо затрудняя его солидарное противостояние привилегированной элитарной верхушке.

Именно на психологической базе «революции комфорта» выкристаллизовалась тонко подмеченная и глубоко исследованная авторитетным отечественным политологом и видным государственным деятелем В.И. Якуниным «пропаганда беспределного индивидуализма и пренебрежения интересами других». Именно она стала питательной почвой для последующей изоощренной подмены в интересах «класса глобальных олигархов» (удачное понятие, им же предложенное и разработанное) базовых, заложенных в природе и в сознании человека гуманитарных ценностей удоб-

¹³ Якунин В.И. Новая гуманитаристика как производительная сила общества // Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: РАН, Научный эксперт, 2012. С. 12.

ными для манипулирования массами их изоциренными идеологическими суррогатами¹⁴.

Один раздел упомянутой выше статьи я писал на африканских материалах. Жил-был в Африке великий философ и политический деятель, многолетний и искренне почитаемый населением своей страны президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор¹⁵. То, о чем Вы, Татьяна Александровна, говорите, затрагивая проблемы народной психологии в России до 1917 г., — это я в Африке еще в период с 1962 г. по 2010 г. сам встречал, причем неоднократно, почти во всех 15 странах, где мне приходилось бывать и работать¹⁶. Согласно Сенгору, западное общество — это агрегат индивидов в противовес внутриплеменному общению душ как стержню африканского социума. Европейец — инженер, математик, он постигает мир мыслью, с помощью абстракций и силлогизмов. Напротив, африканец — поэт, артист, интуитивист, ориентирующийся в окружающей его действительности с помощью, прежде всего, прирожденного чувства и кровной связи с сонмом уважаемых предков. Поэтому первый пишет формулы и делает расчеты, зациклен на деньгах и бизнесе, а второй, по убеждению Сенгора, старается жить в единстве и согласии с природой и своим народом, а на досуге вдохновенно и простодушно «танцует» в освещенной бликами костра саванне свою простую бесхитростную жизнь. Переполненный африканскими впечатлениями я даже одну статью так и назвал — «Общение душ или агрегат индивидов?»¹⁷. Это очень хорошо, хотя и косвенно, подтверждает некоторые сюжеты предреволюционной России, о которых нам сегодня рассказала докладчица.

Теперь объясню, почему я заговорил о «виртуальной голове» экономики знаний в пику бесконечной и бесперспективной погоне

¹⁴ Якунин В.И. Новый мировой класс – вызов для человечества // Свободная мысль, 2012, № 5-6. С. 33-37.

¹⁵ Андреев И.Л. Афро-европейский интеллекул Леопольд Сенгор // Человек, 2010, № 4. С. 147-156.

¹⁶ Андреев И.Л. Тамтам сзывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии. М.: Прогресс – Традиция, 2008.

¹⁷ Андреев И.Л. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестник Российской академии наук. 2002, № 3.

за фантомом «невидимой руки» рынка. Понимаете, у нас в принципе нет необходимости и возможности догнать Запад, повторяя исторические перипетии его извилистого и зачастую несправедливого пути. Это — очень социально вредоносная и политически опасная иллюзия. Профессор Валентина Гавриловна Федотова, которая заведует сектором социальной философии Института философии РАН, написала несколько книг о принципиальной бесперспективности догоняющего развития. Мы Запад догнать не можем. И слава Богу! Нам и не нужно этого ни в коем случае. У нас есть свой резерв в массовой психологии народного большинства. То, что не успели разрушить отечественные западники под руководством экономического идеалиста-утописта Егора Тимуровича Гайдара, сладко и безуспешно мечтавшего о грядущем — непременно спасительном превращении России во «вторую Европу». Между прочим, еще Гераклит популярно объяснил современникам и потомкам, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, тем более если речь идет о бурном течении Истории. К тому же, при печально известном премьерстве Гайдара Россия, согласно одной из серьезных аналитических публикаций авторитетной парижской газеты «Монд», в течение нескольких лет реально рисковала скатиться до уровня «второй Африки» или, как горько шутили тогда в Москве, превратиться в Верхнюю Вольту с ракетами.

Так вот в моей упомянутой выше статье есть раздел «Перегнуть, не догоняя!». Это — стратегически важный посыл, который нуждается, по-моему, в специальной разработке и мог бы стать предметом обсуждения на специальном заседании нашего семинара. Поэтому в чем-то мне доклад понравился. Однако он, как мне показалось, до обидного упорно и откровенно обращен в прошлое. И напоминает этим больше обильно иллюстрированную примерами и цитатами штатную лекцию в студенческой аудитории, чем глубокие, выношенные и выстраданные сомнениями теоретические размышления философа в аудитории уважаемых профессоров. А Ваше, Татьяна Александровна, простодушное упоминание про «два с половиной дня, потраченных на подготовку доклада», меня просто обескуражило.

Кстати, то что Вы рассказали нам в самом конце своего выступления и позже, отвечая на вопросы, это должно было бы

стать (в моем представлении) сердцевиной доклада. Тем более, мы здесь отнимаем время у нашего руководителя и обсуждаем то, что по-хорошему должно было бы дать не просто словесный выхлоп и подсобный материал для Вашей будущей книги, а какой-то вполне реальный мировоззренческий эффект далеко за стенами нашего узкого круга участников, набросок какой-то реальной программы или проекта. А именно таким я вижу тот высококачественный интеллектуальный продукт, который нам не стыдно было бы предложить обществу и руководству страны, за что мы, как ученые, готовы взять на себя научную и моральную личную ответственность. Потому что иначе получается неизбывная эмоциональная тоска есенинская об утраченном благостном прошлом, которую венчает, несомненно, свежая и бесконечно оригинальная мысль о том, что лучше быть богатым и здоровым, чем больным и бедным. Но как этого достичь и что нам для этого предстоит сделать сегодня? Нас ведь никто особенно не слушает, не слышит и не рвется услышать... Значит надо, пользуясь тем, что есть такая возможность, хотя бы здесь, на семинаре, среди единомышленников в стиле мозговой атаки попытаться сформулировать продуктивные и аргументированные рекомендации, потенциально адресованные людям, которые сейчас находятся у руля государства и общества.

Идеология неославянофильства как угроза неразвития

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Слушая доклад, можно было подспудно получить ответ на вопрос, почему, несмотря на примитивизм своей идейной позиции, западники одерживали, как правило, верх в дискуссии над славянофилами. В борьбе за влияние на высшую государственную власть западники, как правило, были гораздо успешнее своих оппонентов. Почему так происходило?

Представленный доклад — классический для презентации идеологической линии «славянофилы — русская идея — неославянофилы». На Западе, начиная с «гильотины Юма», была

установлена четкая дифференциация «есть-предложений» и «должен-предложений». Очень высокие требования предъявлялись к тому, что такое наука, к критериям научности, критериям соединения научности с практикой. Многие в развитие западной системы научного познания внес позитивизм. В России когнитивный процесс формировался иначе. Гуманитарная наука здесь в значительной степени связывалась с художественным творчеством. Она была преимущественно писательским делом. Крупнейшие обществоведы в России — это писатели. И таким образом, российское обществоведение и поныне развивается как писательское дело.

Что можно было ожидать от научного доклада? Прежде всего, реализации критерия науки — доказательности. То что думали в отношении той или иной проблемы Бердяев, Ильин, Булгаков и иные известные мыслители — само по себе ничего не доказывает. На одни высказывания великих можно найти другие высказывания. Ссылкам на одни авторитетные имена легко противопоставляются ссылки на другие авторитеты. Это, собственно, и произошло в ходе дискуссии.

Научные положения не доказываются также и посредством примеров. Примеры могут служить в качестве иллюстраций, но не доказательств. То что Илья Муромец 30 лет лежал на печи, используется докладчиком как главное доказательство «русской неторопливости». Но в том же русском фольклоре можно найти прямо противоположные примеры. Традиционная былинная сказка «рос богатырь не по дням, а по часам» (Вольга Святославич) не позволяет сюжет о тридцати годах бездействия Ильи трактовать как универсально архетипический для русской культуры. Исследования, проведенные в рамках сравнительного менеджмента, указывают на иной характер русского восприятия времени, нежели это представлено в докладе. Статистика говорит о различиях в реагировании на поручения русским и немцем. Русский человек, в отличие от немца, как правило, сразу бросается выполнять возложенное на него поручение, или же откладывает его на неопределенное время. Данная фиксация позволяет, по меньшей мере, говорить о более сложной, нежели выраженная тезисом о неторопливости, модели русского хроноса.

Любая социальная система существует в рамках определенного пространства и определенного времени. Если мы говорим о специфических русских ценностях, значит соответственно, необходимо для доказательства их специфичности провести компаративистский анализ. Но тогда возникает вопрос о критериях этого сравнения.

И когда выдвигается утверждение, что доброта или любовь к Родине — это специфически русские ценности, возникают сомнения в достоверности анализа. А что, нет императива доброты или любви к Родине у других народов?

В докладе говорится о русской общинности. А разве ее нет в Китае, Индии и многих других странах? В ряде сообществ этот институт сохраняется и поныне.

Далее. Русский коллективизм противопоставляется западному индивидуализму. А что, все русские — коллективисты, а все американцы — индивидуалисты?

Очевидно, что подход, в рамках которого ценности существуют или не существуют, не работает. Нужно говорить не о существовании ценностей, а о разной степени их воплощения и разной иерархии. Ценность коллективизма является системообразующей для любой цивилизации. Без коллективистского фундамента ни одно сообщество не могло бы состояться. Другой вопрос — насколько ценность коллективизма значима и каким образом она воплощается в соответствующей цивилизационной среде. Статичных социальных систем не существует. Докладчик сосредоточил внимание на проблеме преемственности в ценностях. Но есть и другая проблема — аксиологической изменчивости. Ведь были ценностные инверсии в истории России. Очевидна и постсоветская инверсия. Современные социологические опросы фиксируют не общинность, а как раз наоборот — распространение представлений об индивидуальной успешности. Была инверсия Смутного времени, была петровская инверсия, была инверсия периода революции... Ценностное состояние исторически менялось. Поэтому в работах Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования предлагается другой подход, условно определяемый как «реостатный». Полюсу коллективизма противостоит полюс индивидуализма. Цивилизации исторически

могут находиться в разных точках между этими полюсами. Они могут в ценностном отношении двигаться в одну или другую сторону по указанной шкале. Но успешность этих цивилизаций, их оптимум находится в определенном диапазоне. Расчет этого оптимума и составляет главную задачу. На основе этого расчета выдвигается практическая рецептура для государственного управления. И здесь-то значение истории проявляется со всей очевидностью. На основании исторического опыта выявляется, *что* для России обуславливает ее успешность, а *что* ведет к катастрофе.

Если мы с научной точки зрения подходим к рассмотрению социальной системы, то необходим факторный анализ. Необходимо дойти до выявления базовых оснований системы. Что на этот счет предлагается в докладе? С одной стороны, содержится апелляция к бердяевскому объяснению — все это от Бога. А что мыслит Бог — это человеку неизвестно. И вот появляется апелляция к другому исходному основанию — архетипу. По сути дела, происходит лишь замена маркера непознаваемости: нечто, находящееся уже не в трансцендентном измерении, а в глубинах подсознания. Что находится на уровне архетипа — неизвестно, откуда этот архетип взялся — непонятно. То есть существует нечто неизвестное, которое и определяет ценности. Ценности продуцируются из некоей неизвестной, «темной» для рационального познания сферы. Допустим, впрочем, и такой взгляд. Есть разные методы познания — через науку, через искусство, через литературу. Они все значимы и доказали свое право на существование. Однако при их подмене друг другом (например, подмене науки литературой) происходят когнитивные провалы. На определенной угрозе, которая следует из такой подмены, я и акцентирую далее внимание.

В дискуссии использовалось противопоставление африканской культуры и культуры Запада: когда одни разрабатывают формулы, другие танцуют; одни ученые, а другие — поэты. Подспудно возникает вопрос о России: стоит ли ей устраивать бесперспективную гонку с наукократическим Западом и не лучше ли обратиться к тонким поэтическим струнам русской души? Но обозначив такую альтернативу, необходимо четко описать и возможные последствия. Они из истории той же Африки хорошо известны. «Разрабатывающие формулы» приходят к «танцующим» с оружием

массового поражения. И вот они уже живут по тем правилам, которые им предписаны завоевателями.

Вызовы «литературной метафизики» иллюстрируются и по альтернативным сценариям в истории России.

XIII век, на Русь наступают, с одной стороны, немцы, с другой — татары. Что делать в этом положении? Были коллаборационисты, которые говорили: мы погибли, поэтому единственно возможное — принятие католицизма и господства Запада. Были и хилиасты, призывавшие молиться Богу о спасении и презреть все социальное в пользу Царствия Небесного. Это являлось тем же капитулянтством, но облеченным в одежды эсхатологического протеста. Был, наконец, и третий подход, состоявший в том, чтобы не порывая со своими ценностями, собрать имеющиеся ресурсы для сохранения русской государственности.

Та же тройственная развилка возникла впоследствии в период дискуссии между славянофилами и западниками. Еще не ясно, кто больше из двух оппонирующих сторон подрывал существующее николаевское государство. Славянофилы били по этому государству с не меньшим ожесточением, чем западники. Они боролись, как известно, не только против западничества, но и против реального реализуемого русского имперского проекта.

«Русская идея» хотя и была сформулирована как философская проблема еще Вл. Соловьевым, приобрела особую популярность лишь в послеоктябрьский период в среде эмиграции. На Западе она получила, на удивление, широкую информационную поддержку, идейно транслировалась через печать и радиоголоса. С чего бы это вдруг такое отношение Запада к русской идее? А дело в том, что когда эмигрантские мыслители конструировали «воздушные замки» новой России, реализовывался реальный советский проект. Именно он представлял главную угрозу для Запада. В рамках этого проекта удалось добиться небывалого прорыва в сферах науки и образования. И вместо этого предлагалось вернуться к хоругвям, крестам и косовороткам. Футурологии научного прорыва противопоставлялись художественные идиллии.

Не тот же ли самый подход получает распространение и сегодня? Удивительным образом США вступают в альянс с братьями-мусульманами. Идеология глобализации идет рука об руку с идео-

логемами региональных архаизаций. Давайте — звучит сегодня новый пропагандистский призыв — двигайтесь туда, в литературную русскую идиллию. Ваше место в решении вечных психологических тем, и упаси Вас Бог от формул и технологий. Целевые ориентиры этого информационного проекта очевидны.

Конечно, в ценностном отношении я поддерживаю патриотический пафос доклада. Но есть принципиальная оговорка. До сих пор у нас патриотизм выстраивался на литературной платформе. Настало время выработать научную основу российского патриотизма.

Без источниковедения нет историографии

Н.В. Асонов, доктор политических наук, кандидат исторических наук

Прежде всего, уважаемая Татьяна Александровна, хотелось бы сказать большое спасибо за то, что Вы вступили в этот аналитический бой, учитывая что у вас на подготовку доклада было всего 2,5 дня. Это говорит о том, что у Вас отважное, доброе и патриотичное сердце. Вы не спасовали, Вы приняли бой и, как мне представляется, выдержали его с честью. За это Вам мой низкий поклон.

Я увидел, что опорой Вашей системы духовных ценностей является любовь к своей стране, своему народу и его высокой самобытной культуре. Это мне чрезвычайно приятно. Поэтому, в свете того, что было сказано уважаемым Юрием Александровичем Тихомировым, готов рассматривать себя в качестве вашего старшего брата в нашей ученой общине, работающей во благо России.

Поскольку у Вас было только несколько дней, то, естественно, создать что-то по-настоящему глубокое и аналитически сложное невозможно. В связи с этим, я пришел к выводу о том, что данную работу можно охарактеризовать как эскиз или набросок. Если Вы сочтете нужным продолжить творческий поиск и устраните те недоработки, которые в силу ограниченности времени у Вас возникли (как неизбежно они возникают у любого исследователя), тогда, мне думается, этот набросок сможет превратиться в очень хорошую картину.

Тема, озвученная Вами, чрезвычайно интересна и важна не только в рамках нашего семинара. Это хороший теоретический подход к пониманию диалектической специфики российского социума. Поэтому бросать работу не следует, тем более сейчас, когда Вам уже высказано столько полезных замечаний и дружеских советов, помогающих определить направление дальнейшей поисковой деятельности.

Что здесь можно Вам еще предпринять? В первую очередь, необходимо сузить тему до размеров той отрасли знаний, (даже лучше сказать — той ее части), которая Вам ближе как ученому. Учитывая тот факт, что Вы по базовому образованию философ, кандидат философских наук, следовательно, далеки от того огромного массива первоисточников, которые обязаны проштудировать политологи, историки, юристы, социологи и экономисты. Не владея содержанием хотя бы основных документов подобного рода, Вам нельзя растекаться мыслью по древу и понемножку влезать во все общественные науки.

Когда мы в научном анализе идем подобным путем, то неизбежно попадаем в ловушку собственной некомпетентности, вредящей научному поиску и дискредитирующей нас как серьезных исследователей. Можно сказать, мы уподобляемся вороне из сказки Сутеева, пожелавшей быть самой красивой птицей — быстрее всех бегать, лучше всех летать и иметь шикарный клюв пеликана для хранения еды. Ворона полагала, что ее знаний достаточно для того, чтобы образ удивительной птицы реализовался на практике как положительное явление. В итоге все получилось с точностью наоборот.

Давно подмечено: чем меньше информации мы имеем о том или ином предмете, тем легче нам о нем судить, тем масштабнее, глубже и даже оптимистичнее кажутся нам наши собственные выводы, сделанные на основе общих рассуждений такого рода. Тут невольно вспоминаешь замечательное произведение Михаила Булгакова «Собачье сердце», точнее ту его часть, где автором приведен разговор профессора Преображенского с товарищем Шариковым и советы «Полиграф Полиграфыча» двум людям с университетским образованием «космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить».

А если говорить серьезно, то уже упомянутые мною ранее сочинения на исторические темы — Чудинова, Фоменко, Носовского, Радзинского и целого ряда других, таких же как они, поверхностных аналитиков, ставящих свое мнение выше детального изучения источниковой базы, включая вспомогательные исторические дисциплины, — уже причинили много вреда не только наукам, занимающимся изучением прошлого нашей страны. Опираясь на выборочные и при том искаженные ими же фрагменты в переложении вторых, а то и третьих лиц, они через свои сочинения способствовали повреждению общественного сознания граждан, в большинстве своем так же поверхностно знающих историю, как и они сами. Ведь разговор псевдоученых и простых обывателей идет на одном языке — языке некомпетентности, доступном пониманию тех и других. Поэтому из чувства любви к своему народу, своей стране, из чувства уважения к науке, добывающей объективные, а не фиктивные знания, мы не должны уподобляться подобным авторам.

В этой связи, мне думается, Вам надо уходить от естественного для современного ученого желания использовать широкий спектр общественных наук. Следует сосредоточить все свое внимание не на вопросах политологии, истории, социологии, культурологии и права, где Вы, если говорить честно, показали, прошу прощения, некоторую некомпетентность, а сосредоточиться, может быть, на социально-философском интересе, видимо, представляющем основу Вашего творческого кредо. Тут было бы полезно обратить внимание на методiku и методологию научного познания, которые у Вас, на мой взгляд, мягко говоря, провисли. Здесь Вам, философу, как говорится, и карты в руки.

Попробую пояснить свою мысль следующими примерами. В-первых, я со своими студентами занимаюсь политическим анализом и прогнозированием. В сущности, это прикладная дисциплина, без которой современный политолог обойтись не может. Но дело заключается в том, что сам по себе политический анализ и прогноз, равно как и родственный ему социально-экономический анализ и прогноз, преподаваемый нашими коллегами с кафедры экономики, невозможны без детального изучения теоретической базы. И вот здесь одну из важнейших ролей играет умение политолога

положить в основу своего анализа и прогноза, в первую очередь, философские законы.

Скажем, уже не раз упомянутый мною закон единства и борьбы противоположностей позволяет нам понять, что не бывает только положительных или только отрицательных явлений, процессов и их последствий. Надо выявить их критерии и определить соотношение «+» и «-». И это надо делать, несмотря на то, что идеология господствующей политической силы, тот или иной политический режим могут рисовать нам все исключительно черными или, наоборот, только белыми красками. Приходится также думать о том, как изменится соотношение «+» и «-» в случае неизбежного отклонения вектора политического развития общества в ту или иную сторону, и к чему это в конце концов может привести всю сложную социальную систему и ее отдельные структурные подразделения. Разумеется, данный закон тесно увязан с ценностно-целевым подходом, дискурс-анализом, а значит — со сравнительно-историческим, антропологическим, системным и целым рядом иных методов. Сюда же можно отнести становящийся сейчас модным у политологов метод познания социальной действительности через так называемое «политическое», представленное мною в марте в виде некоего диалектического развития «сладких парочек», в основе противоборства которых лежит принцип деления на своих и чужих.

Во-вторых. Когда я рассматриваю со студентами вопросы истории развития политических учений, то и здесь стараюсь донести до них понимание того, что максимально объективное знание о той или иной политической доктрине или учении можно получить, только зная то время, в рамках которого они появились. Надо понимать и строить диалектику развития причинно-следственных связей, выводящих на возникновение, расцвет и неизбежную последующую дискредитацию того или иного учения. Надо также войти в сознание автора, прочувствовать вместе с ним дух его эпохи, а для этого необходимо знать ее язык, без которого первоисточник не освоишь.

И коль скоро мы решили анализировать вопросы эволюции отечественной социальной системы на уровне развития ее материальной и духовной культуры, то мы обязаны знать ее язык,

с помощью которого наш народ, власть и оппозиция выражали свое меняющееся отношение к культуре. И если мы используем письменные памятники, то должны их разделить на целый ряд групп — по времени создания, месту, достоверности источника, его идейно-политическим пристрастиям, степени информированности авторов и т. д.

Если же уйти от этого сложного, но обязательного источниковедческого анализа и довольствоваться только мнениями тех авторов, которые эти источники интерпретировали сообразно своей эпохе, своему миропониманию, да еще не разделяя этих авторов по времени их жизни, научной школе, политической ориентации и целому ряду других признаков, тогда мы обязательно уйдем из области науки и попадем в страну социальной фантастики, где все можно принимать на веру и жить сказочными образами выдуманных нами героев и событий.

Таким образом, источниковедение в любой науке играет роль своеобразной подушки безопасности, не позволяющей исследователю сильно разбиться о критику, но дающей ему возможность безопасно путешествовать в кабине собственных научных теорий по дорогам познания окружающего нас бытия.

А поскольку, как совершенно правильно уже было подчеркнуто коллегами, нам надо выходить на современность, давать объективный прогноз и рекомендации на будущее, то без источниковедения мы обойтись не сможем. Иначе вектор развития России даст такой крен, от которого она вообще никогда не оправится.

Государство предоставляет обществу свободу, но и определяет ее пределы

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Научный доклад результативен, когда рождает мысль, приводит участников дискуссии к поиску. Если доклад ответил на все вопросы, обозначил: «Это истина, обсуждать здесь нечего», то, наверное, это редкий случай, который не дает науке особого движения. В этом смысле сегодняшний доклад был эффективен — при

всем дискуссионном, остром взгляде на него и последовавших критических замечаниях. Единственное отмечу, что я никогда не поддерживаю такие упреки, как: «А вот у Вас в докладе нет того, того и того...». Да, нет бесконечного количества всего и всякого; доклад есть такой, какой он есть. Доклад либо отвечает теме (а он явно отвечал теме, он прорывной и вносит пионерные результаты), либо он констатирующий, структурирующий и т. д.

На мой взгляд, сегодня семинар весьма интересен, и за это мы можем докладчика поблагодарить. Что меня в дискуссии активировало и хотелось бы вербализовать? В том числе, признаюсь, и для того, чтобы зафиксировать движение мысли в собственной голове, которое в эти два часа произошло.

Позволю себе сделать некоторые методологические вызовы, на которые у меня нет окончательного ответа.

Итак, мы говорим о ценности, но что это такое — до конца, мне кажется, все-таки отчетливо себе не представляем или не утруждаем себя этим представлением. В гуманитарном дискурсе одни и те же понятия могут обозначаться разными словами, и в результате дискутанты не понимают друг друга, потому что произносят разные слова. Но и одинаковые слова могут обозначать разные сущности. Это тоже очень неприятная ситуация, когда происходит разговор слепого с глухим. Такой диалог никуда особенно продвинуть не может.

Что я для себя из дискуссии относительно категории «ценность» пытаюсь уложить? Во-первых, что это такое? Это, конечно, некая мера оценочного или чувственного отношения индивида к обстоятельствам и состояниям окружающего мира. Причем она выделена из очень многих взаимосвязей индивида с миром по каким-то причинам. По каким? Три вижу. Татьяна Александровна тоже предлагала свою структуру в виде трех составляющих. Одна из этих составляющих у нас совпадает.

Почему определенное отношение для человека становится вдруг выделенным, фиксируемым, изучаемым? Потому что, во-первых, нечто в отношении человека с миром приятно. Во-вторых, потому что нечто в отношениях человека с миром полезно. Если в первом случае это ценности эстетизма, как я их называю; во втором случае — это ценности цены, полезности, соотношения

с эталоном, ценности как качество некоторых мировых обстоятельств, потребляемых человеком; то от третьего вообще никуда не денешься, никак не избежишь, не обойдешь. Это ценность мотивации, которая — по разным причинам, в том числе комбинирующим первые две, — заставляет человека действовать.

Здесь возникает вторая методологическая надобность. Ценность может быть номинирована как вещь в себе, предугадана, описана, неким образом вербализована, но не воплощена, не проявлена в физическом мире, в бытии. Проявляется она тоже различным образом. Во-первых, ценность проявляется внутри человека, о чем иные могут и не догадываться, либо им нужно прилагать усилия, чтобы об этом узнать. Это состояние ума в части установок, в части предстации, которая потом переходит в стадию намерения. Это уже шаг к активности, к проявленности ценности. Если в голове у нас возникает некий образ, то на стадии реализации установок это уже облик действительности, которую человек преобразует и формирует. В чем он в данном контексте важен и как проявляет себя? Это, конечно, конструктив и реалии созданных человеком в социуме систем — общественных и государственных, самых разных: и материально производящих, и производящих нематериальные потоки и коммуникации. И если внутренние установки, намерения можно фиксировать в научном поиске социологическим путем либо экспертным оценением, то внешние проявления и воплощенность ценностей, создаваемых социумом, которые мы взвешивали на предмет характерных специфичных ценностей, обликов — это статистика. Причем и социологические экспертные замеры, и статистические меры универсальны для всех стран, для всех социумов, для всех народов. Номинация зачетов, в которых мы пытаемся зафиксировать ценности, универсальна — об этом Вардан Эрнестович Багдасарян сказал в дискуссии. Но степень выраженности, степень предпочтения в данном социуме по всем этим номинациям — различна, и в этом специфика.

И последнее замечание, на которое меня подвиг Дмитрий Сергеевич Чернавский, — оно тоже очень интересно. Причем здесь окончательных ответов нет, мы как бы только в мыслительный процесс попали. Дмитрий Сергеевич заявил о том, что более важ-

на не ценность сама по себе, а ее выраженность как дисперсия ценностей или признаков (рис. 1).

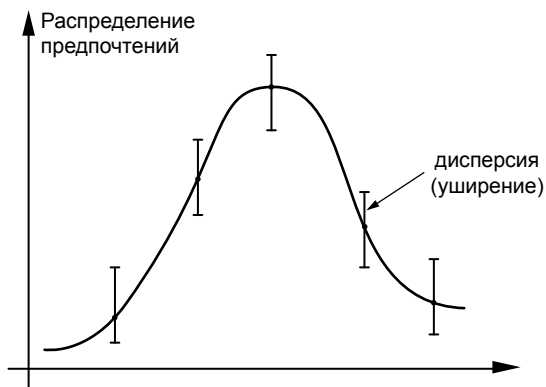

Рис. 1. Дисперсия ценностей

Здесь есть два подхода. Дисперсия — это некое уширение распределения. Два подхода, одинаково, наверное, возможных, и есть некоторый наш опыт, который я хотел презентовать, потому что он, на мой взгляд, пионерный, он интересен. Кроме статичной дисперсии еще очень важна и интересна динамика этого показателя, и мы ее начали изучать.

Итак, первое: дисперсия и уширение в распределении возникает, когда есть распределение. Предпочтения населения относительно чего-нибудь. Зададим, например, такую ценность или признак (в словаре Дмитрия Сергеевича), как альтруизм. Растягиваю его в спектр (рис. 2), где присутствуют альтруизм как бескорыстность, корыстность и какая-то индифферентность.

Методами социологии, поставив еще целый ряд промежуточных маркеров состояний, мы можем получить распределение. Такие распределения (мы их называем спектрами) мы начали измерять. Что видим? Действительно, распределение есть. То, что называется дисперсией, — это ширина распределения. Тезис Дмитрия Сергеевича состоит в том, что для русской цивилизации характерны большие дисперсии. Больше, чем в других странах.

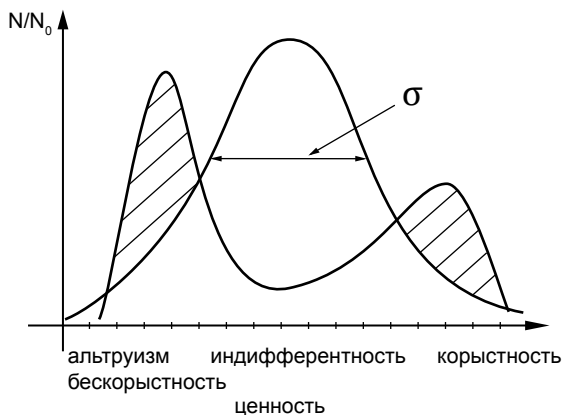

Рис. 2. Спектр ценностей

Данные, которые мы буквально в эти дни начали получать, показали следующее (рис. 2). И это дополняет диагностику Татьяны Александровны. Мы увидели специфичные типы спектра. Есть доминирующая выраженная характеристика (альтруизм). Но появляется и вторая группа (на рис. 2 она справа). Выдвигаем гипотезу, что эта группа именно появляется, она навязывается нам в ходе реформ, когда на сознание, на образы ценностного поведения влияют уже и школа, и вуз, и средства массовой информации, и Галкин со своей игрой на телеэкране «Выиграй миллион», а не «Поделись с соседом», и т. д. Эта рукотворная динамика, по видимому, имеет место, и ее надо фиксировать, мониторить.

А дальше следуют предложения, которые очень важны, и в докладе они прозвучали. Если мы видим, что некий профиль ценностного распределения исторически отвечал за успешность страны по самым разным проявлениям ее жизнедеятельности и что он сознательно диверсионно сегодня модифицируется, то тогда в органы государственной власти, в соответствующие институты и сферы управления следуют рекомендации и предложения мер, которые будут возвращать страну к естественному, оптимальному, продуктивному и успешному для нашей страны состоянию этого спектра.

Второй подход, который тоже, в общем, можно ввести на языке некоей дисперсии, — это когда мы говорим не о внутренней растяжке содержания, о спектре конкретной ценности, а о наборе, о пакете всех этих ценностей. Ценность № 1 — альтруизм, ценность № 2 — коллективизм, ценность № 3 — любовь, ценность № 4 — труд, креативность, инновационность и т. д. В нашей работе и на семинаре «Что такое добро и зло» Юлия Сафонова об этом рассказывала: тогда было предложено 12 ценностей, хотя их может быть больше или меньше, что не так важно (рис. 3). Важно, что мы тоже получаем некоторое распределение предпочтений. И ценности можно таким образом упорядочить. Хотя можно даже и не упорядочивать. Это может быть иное, не нормальное распределение.

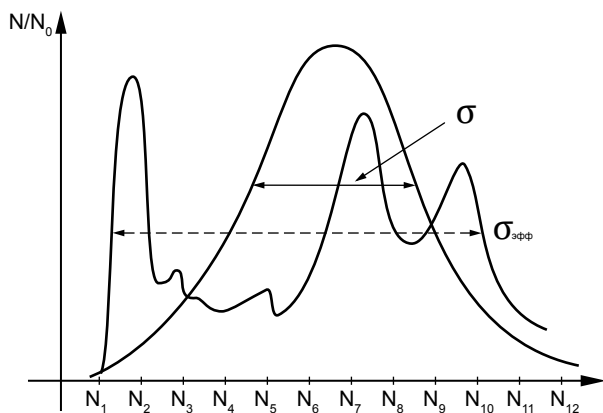

Рис. 3. Спектр распределения предпочтений

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Степан Степанович, а абсцисса метрическая?

С.С. Сулакшин:

Условно. Это условные числа, чтобы просто увидеть распределение, если хотите, гистограмму по номинациям. Здесь тоже мож-

но ввести понятие, в случае нормального распределения, дисперсии. В случае рваного распределения ее вводить труднее, но это возможно как некая эффективная полуширина этого спектра. Такие исследования целесообразны, и мы одно из них провели. Это было исследование спектра, который мы называем политическим и который выражает отношение населения к правящему режиму (рис. 4). Лояльное отношение (поддержка режима, солидаризация с ним) или политическая оппозиция.

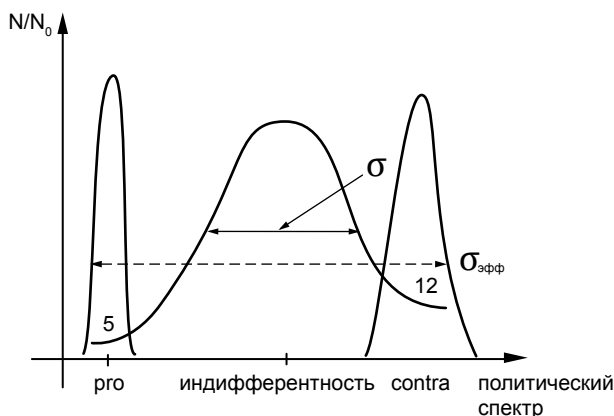

Рис. 4. Политический спектр

Возникает то самое распределение. В общем — ценность. Ценность стабильности, покорности, рабства, верности режиму — каким бы он не был. Как в известной песне: «Пусть она уродина, но она мне нравится». Коммунизм, фашизм — неважно, мы «за». Вот «Единая Россия» — ей совершенно неважно, каково ценностное наполнение манифеста. Важно, что лидер. «Мы за лидера» — вот и весь манифест. Если он с утра вдруг поменяется или двойника посадят, как Железную Маску снимут, из темницы другого лидера предъявят, и он начнет фашизм насаждать — эта публика все равно будет «pro», все равно будет «за». Равно как и оппозиция: «Я всегда против, не важно, по какому поводу». Уже показано, что уширение, которое мы назвали политической температурой (рис. 5), характе-

ризует, качественно говоря, разность напряжений, т. е. социально-политический конфликт, энергетику конфликта в обществе. Когда он происходит в форме «стенка на стенку», возникают в том числе революции, другие потрясения и т. д. И действительно, в 1991 г., в 1993 г. политическая температура росла. В 2005 г. мы гадали, почему на фоне путинской заморозки она вдруг таким пичком вылезла. Потом поняли: демонетизация льгот активировала население.

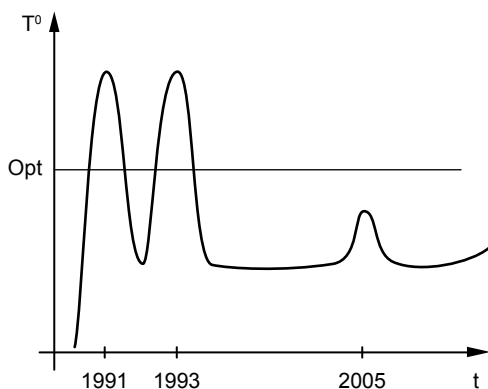

Рис. 5. Изменения политической температуры

Зачем я привожу этот пример? Затем, что в вопросе о ценностях важна их количественная мера, а не только номинации зачетной схемы. У всех народов номинация в зачетной схеме по ценностям совершенно одинакова, потому что все люди.

Эффективен, с точки зрения мониторинга состояния общества и, как видим, его систем, включая государство, и следующий этап (коллеги его, в общем, как-то вызывают к жизни, и это справедливо). Используя этот инструментарий, зная исторически (бэксайтом полученный) профиль, оптимальный для устойчивости, успешности, демографии, ВВП конкретной страны в конкретном месторазвитии при климате, ментальности и т. д., надо в управленческих и государственных практиках добиваться, чтобы политическая температура была бы оптимальной. Ибо замороженное обще-

ство перестает генерировать идеи, перестает поддавливать власть. Власть начинает загнивать, глупеть, принимать неверные решения. И ровно так же перегрев общества его хаотизирует, атомизирует, ионизирует, и в итоге общество распадается. Вновь утрачивается способность к нахождению рациональных решений, воплощаемых органом государственной власти. Это ситуация революции, ситуация предреволюции. Вот здесь таится дьявол переброски. На сегодня мы имеем прогноз, согласно которому мы пойдем к очередной революции. Поэтому и доклад, и дискуссия, на мой взгляд, имеют отношение к совершенно актуальному сейчас научному потоку — процессу, который и фундаментален, с одной стороны, и междисциплинарен — с другой стороны. На наш взгляд — и это наша работа, выполняемая Центром, уже сейчас показывает, — результат невероятно практически значим, потому что дает способы мониторинга, понимания природы процессов и обещает (что еще не сделано, но это ожидается) способы активного общественно-государственного управления состоянием ценностного пространства в стране во имя всеобщего блага и устойчивости развития.

В заключение, хочу поблагодарить и докладчика, и всех участников дискуссии.

Реплика (С.А. Кравченко):

Позвольте небольшую реплику.

Мне кажется, сама по себе идея по поводу дисперсии ценностей очень плодотворная. Хотел бы высказать несколько соображений в порядке гипотезы.

Первая гипотеза заключается в том, что в условиях традиционного общества, общества закрытого, дисперсии практически не бывает: выбора не было, ценности были достаточно жесткие, стабильные и, соответственно, вот такого разброса ценностей просто не было.

Вторая гипотеза: по мере усложнения общества эта дисперсия ценностей будет все больше и больше флуктуировать, и выявить какую-то однозначную тенденцию — исходя из того, что раз было вчера, значит так будет и завтра — наверное, невозможно. Почему? По двум основным причинам. Во-первых, появляются совершенно новые ценности. Скажем, ценность альтруизма появилась сравни-

тельно недавно. Эту ценность, в научный оборот ввел Огюст Конт. Появляются совершенно новые ценности, и они будут увеличивать эту дисперсию. Вторая причина состоит в том, что в сложных системах ценности имеют тенденцию к самоорганизации, что, однако, не исключает управление. Этими процессами мы можем до определенных пределов управлять, исходя из того, что сами ценности могут иметь свое внутреннее развитие. Тут возможны какие-то бифуркации, разрывы, возможны «вдруг-события».

С.С. Сулакшин:

Вы знаете, это уже настоящая дискуссия. Благодарю вас, коллеги. Во-первых, я подтверждаю, что методология на нашем языке, понятном математикам, вызвала такой образ: политический спектр позднейшего СССР с монополией КПСС — это была дельта-функция, т. е. бесконечно узкий выбор идей. Что и погубило страну и правящий режим в виде КПСС.

С.А. Кравченко:

Я согласен, но с одной небольшой оговоркой. Вот когда возникла открытость и хлынули новые ценности — эта узость не выдержала испытания, она была взорвана.

С моей точки зрения, пришла пора управляемой открытости и управляемой самоактуализации. Если мы к этому не придем, то тот ценностный раздрай, который неважно где возник — будь то у нас, будь то на Западе, будь то на Востоке, — объективно, как прогнозируют социологи, ведет к гибели человечества. Поэтому здесь важно учесть компонент управления ценностными реалиями.

С.С. Сулакшин:

Наша позиция состоит в том, что ценности — как та самая мера отношения индивида к окружающему мирозданию — были всегда и всегда будут одни и те же. То, что я называл пакетом, содержит 12 ценностей. Альтруизм даже в протосоциальных, биологических средах уже появляется. Например, когда пегух, найдя червяка, кукарекает, подзывает курочек и отдает им свою добычу. Не сам съедает, а им отдает! Это потрясающая картина, я ее не раз наблюдал.

И последнее: действительно, Вы правы, Сергей Александрович. Вернее, мы с Вами солидарны в том, что процессы самоорганизации в ценностном пространстве существуют. Но они есть не самоорганизация ценностей, а самоорганизация все-таки социума в его предпочтениях.

Вот нахлебались россияне в 1990-е гг., извините, порнухи в видеосалонах — и умерли в конце концов видеосалоны, их больше нет. И дома эту дрянь уже особо-то не смотрят. То есть кроме самоорганизации, которая, наверное, отражает нечто похожее на социальный инстинкт самосохранения живого организма — социума, государственное управление (принудительное) тоже необходимо. Эти два процесса сочетаются. Государство в том числе создает условия для процесса самоорганизации, предоставляет обществу свободу, но и определяет пределы для этой свободы. Отсюда возникают очень отчетливые государственно-управленческие технологии и практики. Что делать, чтобы политическая температура была оптимальной — не низкой (замороженное общество), не перегретой (хаотизированное, бунтующее, охлократическое общество), а именно оптимальной. Поэтому я рад, что мы находим в некоторых позициях согласие, а еще больше рад тому, что открыт коридор, куда двигаться дальше. Вот что наиболее интересно для меня в сегодняшнем семинаре.

Д.С. Чернавский:

Реплику можно? Управляемая самоорганизация сейчас в центре внимания синергетики. По этой теме уже много сделано.

С.Г. Кара-мурза:

Мне кажется, что закрытое общество и открытое общество различаются не столько дисперсией ценностей, сколько поведением. А под этим поведением могут таиться широкие диапазоны, конфликт ценностей. Если взять, скажем, 1960–1970-е гг. Я считаю, что тогда был именно клубок таких дискуссий и ценностных конфликтов. Почему все время спорили о том, что такое «интеллигентские кухни»? Это непрерывная дискуссия по ценностным основаниям. И когда в те времена выезжали, скажем, на Запад или даже в страны Восточной Европы — что поражало прежде всего?

Наоборот, ценностное единообразие: чиновник или террорист — у них большой разницы в спектре ценностей не было. Такое у меня сложилось мнение. У них царило единообразие — скажем, картина мира была совершенно общая. А возьмите марксизм и либерализм. Одна и та же картина мира. У нас СССР был разрушен не из-за недостатка этих разнообразных ценностей, а из-за того, что почти в каждом бурлили какие-то совершенно особенные представления. Вот это, в конце концов, и есть парадоксальный человек. В 1990-е гг. у него еще и поведение стало не плюралистичным. Можно сказать, многие тогда крушили СССР, будучи практически его воздыхателями. Таков взгляд студенчества и молодых научных работников.

С.С. Сулакшин:

Спасибо, Сергей Григорьевич. Но это уже тонкости следующего порядка. Например, инверсия ценностей: благие пожелания ведут в ад. Люди могли быть исполнены желания сохранять СССР, а сами способствовали его разрушению. Но вот с чем не могу согласиться, так это, например, с прозвучавшим тезисом, что Марксова и либеральная картины мира ничем не отличаются. Я настаиваю на том, что категорически отличаются в пространстве ценностей. Первая картина — это коллективизм и большинство, а во второй картине все сводится к индивидууму. Ни о большинстве, ни о коллективизме вообще речи нет. Это называется ценность в нашей шкале двенадцатипостольской схеме. Коллективизм либо индивидуализм и превосходство, которое ведет к расизму, фашизму, либерализму, — все это в одном ряду. Когда переходишь на более конкретные характеристики общества в пространстве ценностей, то, наверное, избыточно обобщенные утверждения должны быть уточнены.

С.А. Кравченко:

Степан Степанович, надо уточнить: мы спорим с вами о средствах. Средства действительно разные. Коллективистские средства присутствуют в теории Маркса. Совсем другое — либерализм, имеющий дело с индивидуалистскими ценностями. Но цели по существу были одни — это рост благосостояния, которое называ-

лось по-разному: у Маркса — «коммунизм», в либерализме — «общество всеобщего благоденствия». Обе эти позиции по существу ратовали за производство неограниченных материальных благ, и в результате привели человечество в тупик, из которого можно выйти лишь на основе качественно иных ценностей.

С.С. Сулакшин:

Спасибо, коллеги. И в заключение мы обязаны предоставить слово докладчику. Пожалуйста, Татьяна Александровна.

Заключительное слово докладчика

Т.А. Чикаева

Уважаемые коллеги, мне хотелось бы прежде всего поблагодарить всех участников дискуссии за высказанные суждения. Постараюсь коротко обозначить основные выводы, к которым я прихожу по результатам нашей дискуссии.

Вывод первый. Тема, которая сегодня была затронута, очень обширна и поднимает целый ряд других проблематик — в первую очередь, категориального аппарата. Ее осмысление требует рассмотрения таких категорий, как этнос, нация, государство, страна, цивилизация и т. п.

Второй вывод. Во время семинара была четко показана актуальность ценностного подхода к истории. Доказана бесперспективность исследования общества с точки зрения принятых критериев экономической эффективности. Успех или неуспех страны не связаны напрямую с наполняемостью государственного бюджета. Здесь необходимо применять более сложные критерии.

Третий вывод, который мне хотелось бы особо подчеркнуть, — это основополагающая роль мировоззрения личности и общества для настоящего и будущего страны, нации и государства. Национальная ментальность — это то, с чего все начинается. Необходима гармония внешних действий и внутренней убежденности и рациональной уверенности человека в их правомерности или целесообразности. Нарушение этой связи приводит к искажению целостности внутреннего мира личности и внешней стороны жизни. Подобное мы наблюдали в недавней истории, когда в конце XX в. воспитание стало носить формальный характер, когда средства массовой информации начали внедрять мнение о том, что СССР — колосс на глиняных ногах, сохранение которого скорее зло, чем благо. Тогда это привело к разрушению государства, обладавшего, по мнению не только отечественных, но и зарубежных аналитиков, более чем высоким потенциалом.

В заключение хочу еще раз поблагодарить присутствующих за прозвучавшие критические замечания к докладу; они помогут мне глубже взглянуть на проблему, наметить новые пути подхода к ее решению. Я постараюсь осмыслить все высказанные тезисы и буду рада дальнейшему сотрудничеству в данной области.

Темы семинара
«Фундаментальные вопросы развития
сложных социальных систем»

1. Витальный подход к сложным социальным системам
2. К понятию успешности сложной социальной системы
3. Возможности теоретического моделирования в познании сложных социальных систем
4. Современное представление о человеческом сознании
5. Биологическая и социальная эволюция
6. Футурология эволюции человека: в чем состоит асимптотический предел?
7. «Ценности» и «цели» в функционировании и эволюции сложной социальной системы
8. «Ценности» и «цели» и современные альтернативы политических парадигм в развитии мира
9. Религиозное (древнее) и современное научное понимание сущности живой природы и человека
10. Доказательство Бога
11. Что такое добро и зло, и каково их воплощение в современных парадигмах (центрах) развития мира
12. «Ценностная» история, современность и прогноз развития России
13. Нравственность в живой и социальной природе

**Список участников семинара
«Фундаментальные вопросы развития сложных
социальных систем»**

Акаев Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор, иностранный член РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем им. И.Р. Пригожина

Андреев Игорь Леонидович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН

Асонов Николай Васильевич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, координатор ООД «Альтернатива»

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала РАНХ и ГС

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологи, кандидат географических наук, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Кагарлицкий Борис Юльевич, директор Института глобализации и социальных движений

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Кирдина Светлана Георгиевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики Российской Академии наук

Кравченко Сергей Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

Кудюкин Павел Михайлович, доцент кафедры теории и практики государственного управления — Высшей школы экономики

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, заместитель декана факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН

Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, руководитель Центра био и экофилософии Института философии РАН

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, профессор кафедры прикладной математики РГСУ

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, Институт философии РАН

Ремизов Михаил Витальевич, кандидат философских наук, Президент Института национальной стратегии

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса

Сафонова Юлия Александровна, руководитель информационно-аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Тихомиров Юрий Александрович**, доктор юридических наук, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
- Чернавский Дмитрий Сергеевич**, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Чикаева Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, доцент Института экономики и антикризисного управления
- Шевченко Владимир Николаевич**, доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН
- Шубин Александр Владленович**, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН
- Юревич Андрей Владиславович**, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, зам. директора по науке Института психологии РАН